

АНАСТАСИЯ ГРАДЦЕВА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ПРАГА

ИНСТРУКЦИЯ ПО СОБЛАЗНЕНИЮ

Анастасия Градцева

**Прага. Инструкция
по соблазнению**

«Автор»

2021

Градцева А.

Прага. Инструкция по соблазнению / А. Градцева — «Автор»,
2021

Получить долгожданную работу в Праге и столкнуться с тем, что тебя хочет твой студент — неприятно. Узнать, что этот наглец еще и твой сосед по общежитию — вдвойне неприятно! Но еще хуже взять и самой в него влюбиться...Содержит нецензурную брань.

© Градцева А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Взлетная дорожка	7
Глава 2. Пан Достал	9
Глава 3. Любовь с первого взгляда	13
Глава 4. Один наглый студент	18
Глава 5. Хочу и нельзя	23
Глава 6. Война по правилам и без	27
Глава 7. Рыцарь на скейте	32
Глава 8. Закон подлости	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анастасия Градцева

Прага. Инструкция по соблазнению

Пролог

Стенки в этом общежитии были картонные. Ларе отлично было слышно, как Мирослав повернул ключ в двери, как бросил на пол скейт и прошел на их общую кухню. Стук дверцы мини-холодильника, хлопок открывшейся пивной бутылки... Лара против воли представила себе, как вздрагивает от жадных глотков его смуглая шея, какая мокрая у него на спине футболка после тренировки, как блаженно прикрывает он глаза... Вот доньшико бутылки жалобно звякнуло от того, с какой силой ее поставили на стол, и дверь комнаты её соседа захлопнулась.

Мирек ушел к себе.

Лара проскользнула на кухню, убеждая себя, что хочет просто навести порядок. Все-таки это их общее пространство, и ужасно некрасиво с его стороны вот так оставлять на столешнице открытую пивную бутылку. Мог бы и убрать! Обязательно потом надо будет сказать ему (непременно строгим учительским тоном!), что она не потерпит тут такого беспорядка.

Лара протянула руку к оставленной «Крушовице» и медленно провела пальцами по прохладному стеклу там, где его касался Мирек. Невольно представила, как его длинные пальцы обхватывали бутылку, а губы касались вот этого горлышка... Не успев подумать о том, что она делает, Лара вдруг схватила пиво и отпила большой глоток.

И, конечно, именно в эту секунду сосед собрался в душ. Полуголый, в одних шортах, с полотенцем на плече, он замер на пороге. Лара едва не поперхнулась, но постаралась максимально достойно выйти из положения: вернула бутылку на место и скрестила на груди руки с таким видом, будто ничего такого не произошло. Подумаешь, может, ей просто пить захотелось. И да, она отпила пива из бутылки своего студента. А что, это запрещено законом?

– Это мое пиво, – проговорил он, прищурившись, и зеленые глаза заскользили по Ларе. Слово «моё» он произнес неправильно, как по-чешки – «мое», но сейчас его явно не стоило поправлять.

– Я знаю, – Лара все же покраснела, светлая кожа пошла пунцовыми пятнами. Ужас, как неловко. А во рту до сих пор был терпкий вкус Крушовицы и... Мирека. И в сочетании с его вдруг вспыхнувшим взглядом это была взрывоопасная смесь.

– Ты могла просто попросить, – он перешёл на чешский, но она все равно его понимала. А от того, как его хриплый голос тянул гласные, можно было сойти с ума. – Так захотелось моего пива? Или... меня?

Лара задрожала всем телом и с усилием сглотнула. В горле пересохло, несмотря на то что она только что пила.

– Не носи чушь, – прошептала она.

– Я тебя не понимаю, – усмехнулся он на чешском. – Ты сказала «да»?

Лара отчаянно замотала головой, со странным чувством наблюдая за тем, как Мирек бросает на стул полотенце и явно намеревается подойти к ней. В этом маленьком пространстве ему достаточно было сделать всего шаг, чтобы оказаться рядом. Но ведь и Лара могла сделать этот шаг в сторону своей комнаты и закрыть дверь на ключ. Почему же тогда стояла и с обреченностью кролика, застывшего перед удавом, смотрела на приближающегося студента? На забитые татуировками жилистые руки, на сухое тренированное тело, на усмешку на красивых губах.

Мирек уверенно положил ладонь на ее затылок и притянул ближе к себе. Обжег потемневшим взглядом и... поцеловал. Господи! У Лары и раньше от его случайных касаний электрические разряды по телу пробежали, но то, что с ней творилось сейчас, не шло ни в какое сравнение. Короткое замыкание – вот что это было.

Случилось то, чего Лара подсознательно боялась – это было слишком хорошо. Её никогда не целовали так откровенно и умело. Язык Мирека нагло и сладко хозяйничал у нее во рту, пальцы одной руки впились в ее русые волосы, а другая рука легла на талию и слегка поглаживала поясницу, понемногу спускаясь вниз – к округлым ягодицам.

Мирек наконец оторвался от её губ, чтобы перевести дыхание, и Лара ненадолго пришла в себя:

– Нет, нет, нельзя, – бессвязно бормотала она.

– Если нет, тогда почему ты меня гладишь? – хмыкнул он, и Лара вдруг с ужасом поняла, что все это время её руки лежали на обнаженных плечах Мирека и неосознанно поглаживали смуглую кожу, под которой перекачивались твердые мышцы. Она – преподаватель! – только что гладила своего студента, который её целовал. Что она делает?! Твою мать, да что вообще тут происходит?

С неожиданной силой Лара оттолкнула его, и Мирек попятился.

– Отойди от меня! Не трогай! Никогда! Понял?! – закричала она на русском, не сильно заботясь о том, понимает её Мирек или нет.

– Лара, – протянул он, и у нее от его странно произнесенного «л» по позвоночнику прокатилась сладкая истома. Господи, её что, возбуждает его акцент?! Вот никогда не считала себя извращенкой, но похоже, что можно начинать.

– Jdi do prdele, – рявкнула наконец по-чешки Лара и чуть не застонала. Тем, что она сейчас послала в жопу своего студента, она практически добила и так подышающую в агонии субординацию.

Черт. Черт, черт, черт...

Не глядя на Мирека, она бросилась в свою комнату и закрыла дверь. «Лара...» – вдруг всплыло в памяти собственное имя, которое он произносил так странно и так возбуждающе. И губы, его жесткие горячие губы и смелый язык... Господи. Что она наделала? Что они наделали?!

Глава 1. Взлетная дорожка

– В древнерусском языке имперфект образовывался от инфинитивной основы, например, от глагола «нести» получалось так: несяхъ – несяше – несяхомъ – несясте...

Лара объясняла первокурсникам новую тему, а они, отчаянно зевая, переписывали в тетрадку информацию с доски, не особо вдаваясь в её смысл. Вдруг дверь аудитории приоткрылась, и в аудитории тут же наметилось оживление.

– Здравсьте, Борис Иванович! – недружным хором поздоровались студенты.

– Здравствуйте, здравствуйте, – нетерпеливо отмахнулся завкафедрой, – Лариса Дмитриевна, зайдешь ко мне после пары, дело есть.

– Конечно, – кивнула она, глядя на него с некоторым недоумением. Странно. Заседание кафедры было вчера, вроде все обсудили. Но она, конечно же, зайдет. Интересно только, что там за дело.

Дверь захлопнулась. Лара размеренным голосом продолжила рассказывать про времена в древнерусском языке, и аудитория опять погрузилась в спячку.

По восторженному блеску глазок за толстыми стеклами очков Лара поняла, что обсуждать они с её научным руководителем и непосредственным начальником будут что-то из ряда вон выходящее. Как-то слишком доволен был Борис Иванович для обычного исправления ошибок в рабочих программах или для сообщения о научной конференции в соседнем городе.

– Ларис, в Праге была когда-нибудь? – с ходу начал он.

– Нет, – осторожно ответила она, – у меня даже загранпаспорта нет.

– Тогда пляши! – заулыбался Борис Иванович, – Злата Прага, а точнее один из её университетов, хочет себе на год преподавателя русского языка для своих студентов. По обмену. К нам чех, а к ним... – он помедлил и с триумфом завершил, – ты!

Хорошо, что Лара сидела, потому что от такой новости могла бы и не устоять на ногах. Вот только пока в ней было больше беспокойства, чем радости.

– Почему я? – нахмурилась она, – У меня совсем не подходящая специализация. Для преподавания русского как иностранного у меня нет ни знаний, ни опыта.

– Лариса Дмитриевна, я тебя умоляю! – рассмеялся её научный руководитель. – Думаешь, кому-то это важно? Ты носитель языка, с высшим филологическим образованием и опытом преподавания. Да они будут счастливы заполучить такой кадр!

– Я на чешском вообще не говорю, – продолжала сопротивляться Лара. – Вы же знаете, я из славянских языков только болгарский учила, а это вообще другая группа!

– Да там русский все прекрасно понимают, – заверил её Борис Иванович, сам никогда не выезжавший из России. – В крайнем случае по-английски будешь говорить. Умеешь же?

– Умею, а с зарплатой что? – Лара, сама не понимая почему, продолжала выискивать подвохи в этом сказочном предложении. Казалось бы, бери и радуйся! Такое счастье раз в жизни выпадает! Но что-то внутри беспокоило. Не могло быть все так просто.

– Так, Лариса! – потерял терпение Борис Иванович. – Не хочешь – не надо! У нас на кафедре полно желающих съездить в Прагу, да к тому же еще и денег подзаработать. Предложу им! А ты можешь быть свободна!

– Да подождите, – испугалась Лара. – Я же не отказываюсь. Просто хочу понять, что и как.

– Ладно, – сменил гнев на милость начальник, – тогда вот тебе их предложение, дома считаешь и завтра жду ответ!

Лара взяла протянутый договор и пролистала его.

– Тут же все на чешском! – возмутилась она.

– Разберешься, – махнул рукой Борис Иванович, – сейчас переводчики всякие есть в интернетах. Вот и пользуйся, так сказать, современными технологиями.

Лара, поджав губы, кивнула, убрала бумаги в объемную сумку и, коротко поблагодарив руководителя «за предоставленную возможность», вышла из кабинета.

Борис Иванович со вздохом проводил её взглядом. Эх, хороша девка! Было бы ему хотя бы лет на двадцать поменьше, точно бы приударил! Настоящая уральская девчонка – кровь с молоком! Грудь, попа – все на месте! И работник золотой: ни одной жалобы. Студенты у нее по струнке ходят. Хорошо, если согласится поехать. Все-таки хоть какой-то шанс для девочки мир посмотреть: сама она вряд ли дальше Свердловской области выедет – с её-то рабоче-крестьянскими родителями и крошечной зарплатой молодого преподавателя. А тут, может, и выгорит что. Вдруг там, в Праге, мужика себе найдет нормального, если, конечно, они еще остались в этой «Гейропе». И Борис Иванович усмехнулся, чрезвычайно довольный собой.

В конце августа Лара стояла в аэропорту Кольцово, нервно теребя в руках новенький загранпаспорт и посадочный талон. Было страшно. Очень страшно.

Рядом с одинаково перепуганными лицами мялись родители, что тоже не добавляло уверенности. Тогда, на семейном совете, папа твердо сказал, что надо ехать, что девочка она у них умная и сможет там, в Европе, пробиться и хорошо себя показать. Поэтому из записки, которую мама про себя называла «на свадьбу», а папа «на машину», были взяты деньги на билет до Праги (это принимающая сторона не оплачивала) и на новый гардероб для Лары.

Так что теперь в чемодане лежали туфли, ботильоны на низком каблучке, новые белые рубашки, черная юбка, синий пиджак и очень скучное серое платье. На покупке платья настояла мама, которая была уверена: внешний вид дочери должен доказывать, что она серьезный специалист. Именно поэтому вместо любимой удобной куртки Ларе всучили короткое тетино пальто, которое прибавляло сразу лет десять. С другой стороны, в чем-то мама была права, потому что без строгого делового гардероба Лара, с её нежным лицом и огромными наивными глазами, тянула максимум на студентку-первокурсницу, а никак не на уважаемого преподавателя солидных двадцати шести лет.

Ладно хоть удалось уговорить родителей добавить ко всему этому учительскому великолепию джинсы и кроссовки. Зимние ботинки было решено не брать, потому что «ну какие у них там зимы, Ларка! Смех один!». Даже если вдруг понадобится что-то потеплее, можно будет уже там купить. *В Праге.*

Ох, от одного этого слова захватывало дух, и внутри разливалось такое сладкое, волшебное ожидание, как в детстве перед Новым годом. Несколько часов – и Лара будет там! Она будет ходить по мостовым с неровной истертой брусчаткой, пить знаменитое чешское пиво, прогуливаться по Карловому мосту, ездить на красных трамвайчиках...

– Может, все-таки возьми себе пару пирожков? – неловко спросила мама. Лара хотела возмутиться, что в самолете кормят и что они это сто раз обсуждали, но посмотрела в растерянные и подозрительно красные мамины глаза и поняла вдруг, что дело тут вовсе не в пирожках. Просто она первый раз так надолго от них уезжает.

– Не надо, мам, – Лара еще раз обняла её, потом папу. – Я вас люблю! Все будет хорошо!

И когда самолет, лениво и медленно тащившийся по летному полю, неожиданно вырулил на взлетную полосу и сразу стартовал с такой дикой скоростью, что у Лары радостно защеколело внутри, она вдруг подумала, что это очень похоже на неё. Она, как этот самолет, скучно и уныло ползла по своему маршруту, но вот теперь – на этой новой взлетной полосе – начнется новая жизнь с совершенно новой скоростью! Жизнь в Праге!

Глава 2. Пан Достал

По пражскому аэропорту Лара шла, как по музею – широко открыв рот. Во всем этом: в ярких брендовых магазинах, в звуках чужого языка вокруг, в надписях на латинице – было что-то красивое и нереальное, как будто она очутилась внутри фильма. При этом в отличие от гигантского шумного Шереметьево, в котором она чуть не потерялась, пражский аэропорт был уютным и каким-то домашним, если так, конечно, можно сказать про аэропорт. И чистота в нем была невероятная. Первый раз Ларисе не было неприятно заходить в общественный туалет, и это тоже восхитило её до глубины души. Она тщательно причесалась, глядя в огромное чистое зеркало, помыла руки вкусно пахнущим мылом и опасливо сунула их в сушилку, которая выглядела так, будто была деталью космического корабля. Опасения были напрасными: руки высохли почти мгновенно!

Глазея по сторонам, Лариса прогулочным шагом шла в сторону выхода (он был обозначен интуитивно понятной надписью VÝCHOD, которая была продублирована на английском и русском) и только, завернув за угол, поняла, куда так торопились все эти люди, обгонявшие её. Очередь на пункт таможенного контроля была длинной... Очень длинной! Лара досадливо вздохнула, ругая себя за недогадливость, и пристроилась в хвост. В итоге в зале прилета она оказалась только через час, когда из встречающих остался только грустный молодой человек с табличкой в руках:

– Пани Ольшанска? – неуверенно уточнил он. Лара даже не сразу поняла, что это про неё. Ну да, пани Ольшанская. Надо привыкнуть, что теперь к ней будут именно так обращаться. Несмотря на то, что она специально перед поездкой выучила несколько самых популярных чешских слов, включая «да, нет, спасибо, пожалуйста», сейчас в голове было пусто, и она просто закивала головой. Черт, как же они будут общаться? Знаками?

– Do you speak English? – вопросительно улыбнулся встречающий, и Лара облегченно выдохнула и кивнула. Слава Богу! С английским у неё все было отлично, тут можно было даже не переживать.

– Лукаш Достал, – представился он и протянул ей руку, а Лара, пожимая её, едва не хрюкнула от смеха. Вот это фамилия! Огонь! Но, к счастью, сумела удержать лицо и вежливо выразила удовольствие от знакомства.

– Лариса Ольшанская, – в свою очередь представилась она и заметила, как у Лукаша изумленно расширились глаза и слегка дрогнули в улыбке губы. А с её-то именем что не так? Вот не зря оно ей всегда не нравилось. Ларииииса. Неприятное какое-то имя. Прекрасно рифмуется с крысой, чем и пользовались мальчишки в начальной школе. Лара знала, что мама назвала её так, впечатлившись фильмом «Жестокий романс». Там тоже главную героиню звали Лариса Дмитриевна. Отчество подходящее, спасибо папе, имелось, так что с именем вопрос был решен почти сразу.

– Мам, а тебя не напрягает, что ты назвала меня в честь содержанки, которую убил муж из-за ревности к любовнику? – как-то спросила её Лара. Мама отмахнулась и заявила, что это неважно, зато та красивая и поет хорошо. Не сказать, чтобы после этого Лара как-то сильнее полюбила своё имя и чаще предпочитала его укороченный вариант. Вот и здесь, судя по всему, он будет более уместен. Возможно, имя «Лариса» для чешского уха звучит слишком странно.

– Говори мне просто «Лара», – торопливо предложила она своему встречающему. Из-за специфики английского языка не очень понятно было, на «ты» они или на «вы». Видимо, уже на «ты», если будут друг к другу по имени обращаться.

– А меня тогда зови просто Лукаш, – обрадовался он.

Вот и хорошо! Потому что и «мистер Достал» и «пан Достал» звучали одинаково комично, и Лара ужасно боялась, что не удержится и предательски захихикает, когда будет так говорить.

Лукаш оказался преподавателем английского с кафедры иностранных языков, к которой, собственно, и будет относиться Лара. Он приехал на старенькой Шкоде и довез её от аэропорта до общежития ЧЗУ. Аббревиатура расшифровывалась как Чешска Земнедельска универзита. Проще говоря, сельскохозяйственный университет, где Ларе и предстояло работать ближайший учебный год.

– Если хочешь, я могу пойти с тобой в общежитие и помочь с оформлением, – предложил Лукаш, вытаскивая её чемодан из багажника, – ты ведь на чешском не говоришь?

– Совсем не говорю, – покачала головой Лара, – а русский тут хорошо понимают?

Молодой чех вдруг громко и как-то обидно рассмеялся.

– Шутишь? Только пенсионеры, которые его еще при коммунистах в школе учили. Но вряд ли они захотят с тобой говорить на русском.

По тому, с каким презрением он произнес слово «коммунисты», Лара поняла, что тему лучше свернуть. Вот чертов Борис Иваныч! Понимают тут русский, понимают... Да как же, ага! Сто раз!

– Буду очень благодарна за помощь, если тебе не трудно! – искренне сказала Лара. При одной мысли о том, что ей сейчас придется идти в это огромное здание из нескольких корпусов, искать там кого-то, договариваться с ними на смеси английского, русского и языка жестов, по спине бежал холодный пот.

– Мне не трудно, – покровительственно улыбнулся Лукаш, – у меня сегодня свободный день! Давай, когда ты получишь комнату, я покажу, где тут что расположено, а потом устрою тебе экскурсию по Праге. Ты же здесь первый раз?

О, а это уже что-то явно выходящее за рамки служебного поручения. Лара посмотрела на Лукаша несколько иным взглядом. Примерно её возраста, может, чуть старше. Типичный европеец, как она их себе представляла: весь чистенький, аккуратный, словно вылизанный. Модно подстриженная борода, довольно приятное мягкое лицо, белая тенниска, бежевые шорты. Немного портили впечатление сандалии, надетые прямо на длинные светлые носки, но вдруг тут так принято ходить? Хотя, конечно, большой антисекс, по Лариному мнению, сложно было себе представить. Сандалики с носочками органично смотрятся только на малышах в детском садике, но никак не на взрослом парне. Зато с ростом и фигурой у Лукаша все было в порядке – спорт явно присутствовал в его жизни.

Да уж, подбрось кто такой экземпляр к дверям их факультета, там все студентки и преподавательницы передрались бы за него. На филфаке со свистом уходил такой мужской неликвид, на который на других факультетах и смотреть бы не стали. Для Лары показателем стало то, что даже у хмурого, вечно немывтого студента Федора, который фанател от Сталина, а в свободное время гулял по кладбищу или смотрел видео со вскрытием трупов, в итоге появилась девушка. А уж Лукаша с его фигурой и европейской белозубой улыбкой на их факультете просто порвали бы на части.

Так что, Лара, не тормози! Хватай парня! Ну, идеальный же кандидат для служебного романа! Видно же, что заинтересовался тобой: вон как его глаза все время тебе в декольте соскальзывают.

Да Лара бы и рада хватать, но была одна проблема. Её – краснодишломницу, умницу и скромницу – просто тошнило от таких же правильных, как она парней. А именно такими были все мужчины в её преподавательском и научном кругу. Именно таким, судя по всему, был и Лукаш.

«Пора взрослеть, Ларка», – мысленно сказала себе она, – «Сколько можно облизываться на плохих мальчиков, которые годятся только для одного, совершенно понятного действия, а в остальном более чем ужасны. Дай этому прекрасному молодому человеку хотя бы один шанс!»

– Лара? – вопросительно посмотрел на неё чех.

– Да, Лукаш, – улыбнулась она. – Огромное спасибо за предложение! Я согласна!

В общежитии случились сразу две новости: хорошая и... так себе. Хорошая была в том, что корпус А, в котором Ларе предстояло жить, выглядел просто прекрасно! Чистый светлый холл с кофейным автоматом и автоматом для печати документов, просторные коридоры, зал с тренажерами, а в комнатах свежий ремонт и довольно новая мебель. Лару поселили в бокс, где было две двухместных комнаты, соединенных коридорчиком. Общий душ, туалет и крохотная кухня: две конфорки, чайник и мини (практически микро-) холодильник.

– Хочешь одна жить в комнате? – уточнил Лукаш. – Просто она на двух человек рассчитана.

– Одна, – поспешно кивнула Лара. Делить с соседками кухню и душ – это одно, а вот спать прям в одной комнате с чужим человеком – уж извините! Она все же преподаватель, а не студентка. Имеет право на некоторые привилегии!

– Понял, – кивнул Лукаш и снова заговорил с пожилой пани, которая оформляла Ларе документы. Он все объяснил сам, от нее потребовалось только подписать в нужном месте договор.

– Вот это от двери, – отдал ей Лукаш небольшой ключ с биркой. – А вот тут все бумаги, сверху написаны платежные реквизиты. За этот месяц университет заплатит, потому что ты по приглашению приехала, а потом вот на этот счет будешь перечислять деньги.

У Лары все внутри похолодело. За комнату надо будет платить?! Но... но она думала, что фраза «предоставляется жилье», которую она видела в договоре, означала, что это бесплатно. Получается, неправильно поняла? И сколько надо будет платить? Сколько-сколько?! 7000 крон?!

– А почему так дорого? – жалобно спросила Лара. Одна крона соответствовала примерно трем с половиной рублям, и в пересчете на российские деньги комната выходила просто золотой.

– Ты же живешь одна в двухместном номере, поэтому и платишь за двоих, – спокойно объяснил Лукаш, которого её проблема, похоже, нисколько не взволновала.

Плохая. Очень плохая новость.

Лара судорожно считала в уме: зарплату ей обещали 17000 крон. Она так радовалась! Это было в два с половиной раза больше, чем она получала в Екатеринбурге. Думала, что будет откладывать. Может, часть отсылать родителям. Теперь картина получалось гораздо менее веселой. Из 17 тысяч 7 будет уходить на оплату жилья. Много. Очень много. Если бы можно было отмотать время назад, она бы согласилась жить с кем-то в комнате, но платить в два раза меньше. Но ведь все уже подписано, и ключ лежит в руке. Назад дороги нет, а если и есть, то она очень сложная и безумно неловкая.

– Лара, все okay? – уточнил Лукаш, с недоумением глядя на нее.

– Да, – выдавила Лара из себя, помолчала, нахмурилась, а потом вдруг спросила: – У меня зарплата 17 тысяч крон, это же нормально?

Лукаш застыл, смущенно хихикнул, а потом пошел неровными красными пятнами. Хм, похоже, что вопрос она задала откровенно неудачный и, видимо, даже запрещенный. Тема денег и в России табу, но, походу, здесь с этим еще хуже. И от того, что она уже назвала точную сумму своей зарплаты, она чувствовала себя, как эксгибиционист, распахнувший плащ в парке. Вроде как есть эта штука у всех, но видно сейчас только твою. И немного стыдно – вдруг она слишком маленькая или наоборот слишком большая?

– Ммм...ну...это зависит...от многих факторов...но вообще-то... – начал мяться Лукаш, сразу разучившийся говорить по-английски, и Лара махнула рукой, показывая, что он может не завершать мысль. Ясно же, что свою зарплату он ей озвучивать не собирается и плащ распахнула только она одна. А жаль. Было бы интересно сравнить!

– Я душ приму, переоденусь и буду готова, – перевела она тему, и Лукаш радостно закивал, с облегчением уходя от обсуждения скользкого вопроса.

В соседней комнате жила молчаливая индианка. Тоже одна. Что ж, хорошо – чем меньше по утрам народу в очереди в туалет, тем лучше. Вдвоем они вполне уживутся. Хотя индийский вариант английского Лара понимала с трудом, все же они как-то смогли познакомиться и даже договориться о разделении полок в холодильнике.

Лукаш ждал её в холле, и когда она вышла к нему при полном параде: в своем лучшем летнем платье, в туфлях на высоком каблуке и с изящно собранными вверх волосами – чех вначале восхищенно ахнул и откровенно засмотрелся на всю эту красоту, а потом с некоторым сожалением пожал плечами и указал на Ларину обувь.

– Это нет, – покачал он головой, – ты не сможешь ходить.

– Я умею ходить на каблуках, – поджала губы Лара. Будет ей еще какой-то европеец указывать, какую обувь она должна носить!

– Нет, нет, – яростно замотал он головой, – ногам будет больно! Там же в центре это... ну... "кочиччи хлавы"!

Лукаш так и не смог вспомнить нужное слово, поэтому сказал на чешском, и Лара его не поняла.

Но она не растерялась: открыла в телефоне словарь и попросила его вбить это слово. Гугл перевел непонятное выражение, как «кошачьи головы», и Лара окончательно впала в недоумение. Вряд ли он имеет в виду настоящих кошек. Видимо, это какое-то выражение, смысл которого был Ларе абсолютно неясен.

Тогда Лукаш схватил листочек и стал коряво рисовать. А! Он имеет в виду каменные мостовые. Забавная идиома. Хм. Наверное, Лукаш прав, и по брусчатке действительно будет неудобно ходить на каблуках.

Лара кивнула и молча ушла переодеваться. Вернулась через пятнадцать минут: в кроссовках, шортах и футболке. Очень расстроенная. К платью у нее с собой были только эти туфли, старенькие кроссовки к нему не шли совершенно. Пришлось переодеваться полностью. Нет, не в таком затрапезном виде собиралась она знакомиться с Прагой... Но что теперь поделаешь!

Глава 3. Любовь с первого взгляда

– А общежитие далеко от центра? – спросила Лара, когда они садились в машину.

– Полчаса примерно, – подумав, ответил Лукаш. – Но без машины не очень удобно добираться. Тебе надо будет дойти до автобусной остановки, на автобусе доехать до станции метро Дэйвицка, и на метро уже доедешь до центра.

– Долго, – вздохнула она.

– Зато до работы близко, – рассудительно заметил Лукаш. – А ты, кстати, хочешь по Праге быструю прогулку или подольше?

– Я хочу так долго, как ты можешь! – торопливо выпалила Лара и тут же покраснела, поправившись. – Гулять, я имела в виду.

Лукаш негромко рассмеялся и украдкой глянул на сидящую рядом девушку. Зря она так расстраивалась: в шортах и футболке она смотрится ничуть не хуже, чем в том платье. Тонкая трикотажная ткань красиво обтягивает пышную грудь, куда нет-нет да и притягивается взгляд. Попа тоже отличная. Ноги и живот, правда, на его вкус полноваты, ему нравились более худенькие, зато лицо у этой русской симпатичное. Щечки, губки, реснички. И кожа свежая, юная – больше на студентку похожа, чем на преподавателя. Он слышал, что русских девушек несложно развести на секс и что им в целом нравятся европейские мужчины. Интересно, это правда?

– Я покажу тебе вечернюю Прагу, – самодовольно пообещал Лукаш, паркуясь недалеко от Малостранской. – Тебе понравится!

Лара никогда в жизни не влюблялась с первого взгляда, это всегда казалось ей каким-то романтическим бредом: ну как можно один раз увидеть и пропасть?! Оказывается, можно. Сегодня она раз и навсегда влюбилась в Прагу, которая повернулась к ней своим золотым налитым боком, спрятав до поры до времени все темные стороны. Рано их тебе видеть, девочка, рано. Да и незачем пока.

Лара и Лукаш сели на красный трамвайчик с номером 22, который повернул круто вверх и, пыхтя и надрываясь, будто лошадка-тяжеловоз, втащил их в горку. Перейти узкую дорогу – и вот уже за кованой решеткой открывается Королевский сад. Краловски Летоградек. Лара шла по дорожкам, жадно впитывая в себя каждое гигантское дерево, каждую пышно цветущую клумбу, каждый изящный домик с лепниной. Как много красоты! Боже, как много красоты!

А когда слева вдруг выросли острые шпили собора Святого Вита, у Лары просто захватило дух от восторга.

– Пламенеющая готика, – прошептала она на русском, а когда Лукаш переспросил её, отрицательно покачала головой. Вряд ли это можно было перевести.

Когда они поднялись к самому Пражскому граду, Лара очень долго стояла, опершись о стену и смотрела вниз – на панораму Праги, расстилающуюся перед ней. Красные крыши, шпили, зелень деревьев. Этот город ничего не скрывал, просто протягивал всего себя на вытянутой ладони, и от этого сладко тянуло в груди и влюбленно кружило голову.

Если бы не Лукаш, Лара могла бы, наверное, простоять тут до самой ночи, но он торопил, тянул дальше – еще столько надо посмотреть, еще столько успеть... По широким истертым каменным ступеням они спустились обратно на Малу Страну, прошли по узким улочкам с домами, каждый из которых хотелось рассматривать и фотографировать, постояли на мостике через узенькую речку Чертовку, а потом поднялись на Карлов мост. Он был такой же впечатляющий, как на сотнях фотографий, которые Лара просматривала перед поездкой, и в то же время другой. Мощный, старый, сильный. Внешняя позолота и нарядность не могли скрыть его средневековой мощи, которая и пугала, и завораживала одновременно. Уже садилось солнце,

и пылающее небо над рекой Влтавой, в которой отражались россыпи городских огней, было так прекрасно, что хотелось плакать.

Лукаш что-то пытался по дороге рассказывать, но ему периодически не хватало словарного запаса, и он в конце концов махнул на это рукой, видя, что Лару исторические подробности интересуют мало. Она знакомилась с городом, город знакомился с ней, и в этом общении двух сторон, явно заинтересованных друг другом, Лукаш, хоть и был проводником, чувствовал себя лишним.

А когда они, перейдя Карлов мост и пройдя несколько улиц, вдруг вышли на невероятную площадь с Орлоем – знаменитыми пражскими часами, у Лары вдруг защемило глаза от подступивших слез. Она здесь первый раз, так почему же внутри такое чувство, будто она вернулась домой?

– Старомак – самое туристическое место, – небрежно бросил Лукаш, со скучающим видом оглядывая площадь.

– Старомак? – недоуменно захлопала глазами Лара.

Было что-то грубое и некрасивое в этом названии, не могло это волшебное место носить такое быдловатое имя.

– Ну мы так называем, – ухмыльнулся Лукаш. – Вообще это Staroměstské náměstí.

– Старомнестскоее наамнестии, – попыталась повторить Лара, с трудом копируя то, как чех тянул гласные. Странный язык, необычный, какой-то раздражающий.

Когда они обходили площадь по периметру, нос защекотало от острого вкусного запаха еды. Ела Лара последний раз в самолете, почти полдня назад, и желудок буквально скрутило от голода.

– Хочу вот это! – она подбежала к ларьку, где жарились ароматные сосиски.

– С ума сошла! Есть на Старомаке? – страдальчески протянул Лукаш. – Тут же всё дорого, это для туристов.

– Неважно, – мотнула головой она. – Вот моя карточка, купи мне, пожалуйста! И стакан пива. Любого – на твой вкус.

– Шо вы хотите? – вдруг низким грудным голосом спросила продавщица, – Парэк в рохлику?

– Сосиску хочу, в булке, – растерялась немного Лара. И от внезапного звучания родной речи, пусть и с украинским акцентом, и от непонятного названия.

– Это и есть парэк в рохлику, – засмеялась продавщица, быстро хватая румяную сосиску и вкладывая её в длинную теплую булочку. Финальным штрихом стала щедрая порция горчицы сверху.

Боже, как же это было вкусно! И идеально сочеталось с ледяным пивом.

Лукаш, поворчав на цену, тоже взял себе сосиску с безалкогольным пивом, и они молча ели, наблюдая за тем, как сгущаются сумерки и темнота теплой августовской ночи мягко окутывает их со всех сторон.

Лара думала о двух вещах. Первое – это то, что если Лукаш сейчас рискнет её поцеловать, она не будет против. И неважно, что он ей не слишком нравится, потому что такая волшебная прогулка должна закончиться каким-то красивым романтическим жестом. Например, поцелуем.

А второе – сколько бы ни стоила та комната в общежитии, она того стоила, потому что это, черт возьми, комната в ПРАГЕ! И даже если ей придется сидеть на хлебе и воде, чтобы на все хватило денег, она ни капли не расстроится. Ради любви можно многим пожертвовать, а в том, что между ней и Прагой случилась любовь, Лара не сомневалась.

Лукаш так и не поцеловал её, хотя, когда шли к машине, робко взял за руку. Она позволила. В конце концов он очень много для неё сделал и, судя по всему, не собирался на этом

останавливаться. Обещал завтра сходить с ней в банк, чтобы завести счет, и в салон сотовой связи за чешской сим-картой. Золотой мужик! А то, что при виде него бабочки в животе не порхают, так это даже хорошо. Значит, отличается от всех тех придурков, что обычно нравились Ларе. Дважды в жизни она пошла у своих инстинктов на поводу, и оба раза дико пожалела. Первый был байкером, и она до сих пор не понимала, что заставило её сесть к нему на мотоцикл и позволить увезти себя к нему домой. 2 курс – мозгов не было совсем. Мама бы от сердечного приступа умерла, если бы узнала.

Но до чего классно было мчаться на бешеной скорости по городу и слышать, как ветер свистит в ушах! Здорово было обхватывать руками широкую спину в кожаной куртке и яростно целоваться, чувствуя соленый вкус жестких обветренных губ. А вот все остальное было совсем не здорово: грубо, больно, неловко. Она была девственницей, и у него с первого раза не вышло (или, если быть точнее, не вошло). Постаравшись, байкер все же прорвался к цели, заслужив тем самым статус Лариного «первого мужчины», но номер его она удалила сразу же, как только вышла из подъезда. Впрочем, он и не старался её найти. Видимо, этот секс у него тоже не вошел в копилку золотых воспоминаний.

Второй раз Лару накрыло, уже когда работать начала. Она зачем-то пошла на день рождения одноклассницы, которая была замужем за таким конкретным мужиком с завода. И вот там её весь вечер прожигал бандитским прищуром друг мужа. Все с того же завода. Наглый, короткостриженный, мускулистый. Смотрел. Молчал. Пошел провожать. Притиснул к стене подъезда и поцеловал так, что номер телефона Лара ему дала, практически не приходя в сознание. Затем пара странных неловких свиданий, когда вроде бы надо о чем-то говорить, а говорить не о чем, и секс – яростный и короткий, оставивший после себя чувство глубокого недоумения и синяки по всему телу от пальцев и губ. На этом Лара сказала себе «Хватит!», перестала доверять своему телу, предательски ведущемуся на брутальных мудаков, и твердо решила завести нормальные отношения с нормальным мужчиной. Так что Лукаш, которого к плохим мальчикам нельзя было отнести даже с натяжкой, имел все шансы!

За пару дней Лариса более-менее освоилась в новом пространстве. Территория университета напоминала город в городе! Тут были и ресторанчики, и банкоматы, и магазины, и спортивные площадки, был даже красивый ботанический сад, где она всё планировала погулять, но времени никак не находилось – надо было готовиться к занятиям, которые вот-вот начнутся.

А когда Лара первый раз зашла в сам университет, то просто не поверила своим глазам: как будто в будущее попала! Никаких серых грязных стен и унылых законопаченных окон. Много света, воздуха, зелени, всюду удобные диванчики и столы с зарядками для ноутбуков – не универ, а просто офис Гугла какой-то! А вот знакомство с кафедрой, где ей предстояло работать, было коротким и невыразительным. Заведующая пани Яркowska сухо представилась, показала Ларе её стол, выдала рабочие программы и расписание и тут же потеряла к ней интерес.

Часов, кстати, оказалось не так много, как она ожидала: четыре группы абсолютных новичков – уровень А1, по два занятия в неделю, одна группа высокого уровня с тремя занятиями в неделю, и деловой русский для студентов экономического факультета. С них завтра и начнется её первый рабочий день.

Конечно, Лара волновалась! На десять раз просмотрела старательно продуманный план урока, выпросила у соседки утюг и тщательно отгладила юбку и рубашку, а потом, чтоб отвлечься, решила заняться хозяйственными делами и отнести вещи в стирку.

А стирка в общежитии – это был тот еще квест! Сначала надо было сказать на ресепшен, что хочешь постирать, и тогда тебе выдадут ключ от прачечной и от сушильной комнаты. Фразу «Хтела бых выпрат прадло» Лара прочитала по бумажке, которую ей написал Лукаш, и её даже поняли! Дальше путь лежал в прачечную, которую надо было открыть полученным

ключом и найти там по номеру свою стиральную машину. В неё быстренько все загружаешь, возвращаешься на ресепшен и говоришь, сколько будут стираться твои вещи. Эту фразу ей Лукаш не писал, поэтому Лара просто показала на пальцах 2 часа и изобразила пантомимой стирку, чем изрядно повеселила вахтершу.

К нужному времени Лара бегом вернулась в прачечную, потому что стирка оплачивалась по времени. Прохлопаешь ушами, не успеешь вовремя сдать ключи – будешь платить за еще один час. Так что Лара стояла в наклоне попой вверх и энергично выгребала из барабана стиральной машины свои вещи, кидая их в тазик. И тут дверь распахнулась, и в прачечную вошел кто-то еще. Ничего удивительного в этом не было – в комнате стояло несколько стиралок, так что Лара даже ухом не повела до тех пор, пока не услышала ленивый мужской голос, который протянул на чешском:

– Parádní spodáry (*Клевые трусы*).

Лара резко обернулась и потеряла дар речи. Рядом с ней нагло ухмылялся высокий парень в черной кепке с прямым козырьком. Широкие штаны, белая футболка, загорелые руки, полностью забитые татуировками. Конечно же, студент. Студент, который стоит и пялится на её ярко-желтые трусы с Губкой Бобом, увенчивающие собой гору чистого белья. Кошмар! Лара вспыхнула, схватила тазик с вещами и рванулась к выходу, но он ловко перегородил дорогу и снова что-то сказал ей на чешском, слегка понизив тон. Хрипловатые нотки в голосе в сочетании с откровенным взглядом, которым студент нагло общарил её с ног до головы, не оставляли простора для фантазии. Было очевидно, что мальчик на полном серьезе пытается её склеить. Лара чуть истерически не расхохоталась. Да уж! Такого с ней еще не было!

– I don't understand, – процедила она своим фирменным учительским тоном, которым обычно осаживала резвых старшекурсников, и вдобавок строго посмотрела на парня. Но то ли без соответствующего антуража этот прием не работал, то ли студент оказался устойчивым, но он нисколько не смутился, а мгновенно перешел на довольно неплохой английский.

– Новенькая? А ты откуда? Я тебя тут раньше не видел. Я Мирек.

И неожиданно протянул ей широкую ладонь.

– Я не знакомлюсь, – отрезала Лара, проигнорировав поданную руку, – пропусти, пожалуйста, я спешу.

– Почему? – глаза у него опасно прищурились, – Не нравлюсь?

– No! – огрызнулась она, уже даже не пытаясь быть вежливой. Ей было ужасно некомфортно в этой маленькой комнатке, с этим непонятым наглým студентом, а больше всего бесило то, что её женский интерес, крепко спящий во время общения с Лукашем, вдруг поднял голову и явно начал прицениваться к парню. И судя по его внешности и развязным манерам, тот имел все шансы на высокие баллы. Господи, да когда она уже поумнеет-то?!

– Отойди, – рявкнула она, студент с ухмылкой сделал шаг в сторону, оставив ей так мало места, что пришлось в буквальном смысле протискиваться между дверным косяком и его телом. Он при этом вообще ей не помогал, а стоял, сунув руки в карманы и откровенно наслаждался ситуацией и смущением, от которого щеки Лары уже буквально полыхали.

А когда Лара наконец оказалась в коридоре, ей в спину прилетел оскорбительный свист и громкая фраза на чешском:

– Sakra! Máš fakt peknej zadek! (*Черт! У тебя реально классная попа*)

Да, Лара, конечно, не понимала по-чешски, но она же не совсем идиотка! Этот придурок что, думает, у их языков нет ничего общего и слово «задэк» не вызовет у неё никаких ассоциаций?!

– Рот закрой! – психанула она и резко обернулась. Как раз в этот момент Мирек шагнул вперед, и произошло небольшое столкновение между ним и тазиком с бельем, который Лара держала впереди себя, как щит.

Доли секунды – и выстиранные вещи полетели сначала на Мирека, а потом на пол.

- Do prdele! – выругался тот при виде мокрого пятна, расплывающегося на его футболке.
- Блядь, – прошипела Лара, потому что ни одно слово в мире не отражало так точно и случившуюся ситуацию, и её отношение к этому.
- Ты русская? – вытаращился на неё Мирек.
- Да! – рявкнула Лара на родном языке, совершенно не заботясь о том, понимает ли он её. – Я русская, а ты гребаный дебил.
- С этими словами она сгребла свои вещи с пола и выскочила за дверь, задыхаясь от злости.

Глава 4. Один наглый студент

В свой первый рабочий день Лара пришла в университет заранее. Аудитория была свободна, и она долго и тщательно раскладывала на столе материалы к уроку, периодически одергивая на себе юбку и поправляя рубашку. Ладонки предательски потели, и она уговаривала себя не волноваться. «Я опытный педагог! – строго внушала себе она. – Я справлюсь!»

И вот появились первые студенты. Совсем не страшные! Практически такие же, как и её – оставленные в далеком Екатеринбурге. Джинсы, футболки, наушники, веселый смех и брызжащая во все стороны энергия молодости. В группе было больше девочек, чем мальчиков, и видно было, что далеко не все знакомы друг с другом. Лукаш объяснял, что здесь каждый студент сам выбирает себе предметы из числа обязательных и факультативных, поэтому как таковых групп практически нет, а на занятия приходят те, кто туда заранее записался.

Лара глянула на часы: пора было начинать. И только она набрала воздуха в грудь, чтобы еще раз громко поздороваться с аудиторией, как двери распахнулись и в кабинет ввалились два парня.

– У нас есть опоздание! – с ужасным акцентом провозгласил один из них, и его карие глаза весело сверкнули. – Извинять нас!

Девчонки тут же захихикали, а Лара, никак не отреагировав на его слова, уставилась на второго студента, который стоял за своим другом и молча на неё смотрел. Черная бейсболка и татуировки. Удивленный взгляд, который тут же сменился торжествующим. Черт... Черт! Ну почему именно он?! Еще и на первом занятии?!

– Проходите, – сухо сказала Лара, стараясь унять бешеное сердцебиение. – Мы как раз начинаем.

Парни лениво прошествовали к столам, один хотел было сесть на дальнюю парту, но Мирек удержал друга за руку и указал на свободный стол в первом ряду. Тот пожал плечами и уселся туда. Теперь оба парня сидели в паре шагов от Лары, а вчерашний знакомый еще и с откровенным интересом её рассматривал.

– Здравствуйте! – громко сказала Лара, пытаясь сделать вид, что она ничего не замечает, – Меня зовут Лариса Ольшанская, я магистр (её предупредили, что она обязательно должна назвать студентам свою ученую степень) и буду преподавать у вас русский язык для делового общения. Можете называть меня, как это принято в России, Лариса Дмитриевна.

По аудитории прокатился сдержанный смешок, кто-то из девчонок прыснул, кто-то громко зашептался, и только Мирек рассмеялся в голос и громко переспросил, мешая в кучу чешские и русские слова:

– Лариса? То йе ваше имя?

– Да, – стараясь казаться невозмутимой, ответила Лара, хотя щекам уже было жарко, тонкая рубашка прилипла к спине и шея под тяжелым узлом волос начала мокнуть. – Со мной вы познакомились, а теперь я познакомлюсь с вами.

Взяв список, она называла каждого студента и задавала ему пару вопросов, заодно пытаясь запомнить, кто есть кто. Читала на чешском Лара плохо, поэтому делала ошибки в именах и фамилиях, за что тут же извинялась, но ребята все равно каждый раз веселились, теперь уже смеясь друг над другом. Черт, почему она не спросила у Лукаша, что не так с её именем? А ведь с ним явно что-то не так.

– Антонин Рэймонт, – прочитала Лара.

– Я! – поднял руку парень, сидевший рядом с Миреком, и обаятельно улыбнулся.

– Ты давно учишь русский?

– Три года. На гимназиу.

Ох, как отвратительно он говорил... Из всех, кого Лара уже успела услышать, этот был хуже всех. Что он делал эти «три года» на занятиях, спрашивается?! И как с таким уровнем он будет осваивать деловую переписку, которая явно не для начинающих?

– Мирослав Свобода, – уже когда Лара дочитывала фамилию, в мозгу вдруг схлопнулись имена «Мирек» и «Мирослав», и она уже знала, кто сейчас поднимет руку.

– To jsem já (*Это я*).

Твою мать, как же бесила эта ленивая интонация! И невысказанный вызов, прячущийся в прищуренных глазах.

– Говори на русском, – отчеканила Лара, понимая, что начинает злиться. – Иними головной убор, неприлично так сидеть.

– Já vám fakt nerozumím (*Я вас реально не понимаю*), – покачал головой Мирек, и она увидела дьявольские искры, пляшущие в его прозрачных зеленых глазах. Как морская вода. Красивые глаза ведь. Жалко, что такому мудаку достались.

Кто-то из студенток тут же перевел ему на чешский слова Лары, и аудитория возбужденно затаилась, ожидая продолжения представления.

Мирослав неожиданно встал. Двигался он лениво и в то же время грациозно – как хищный зверь. Уставившись на Лару, он с усмешкой стянул с себя бейсболку и швырнул её на парту.

– Máám si sundat ještě něco? (*Я должен снять еще что-то*)? – невинно осведомился он и картинно потянул с себя футболку. Мелькнул смуглый плоский живот, девчонки восторженно ахнули, а у Лары от ярости все перед глазами заволокло красной пеленой. Ах ты гаденыш! Будь она дома, она бы выгнала наглеца из аудитории и пошла бы в деканат – разбираться с неподобающим поведением. А что делают тут? И надо ли начинать свой первый день со скандала, пусть и не по её вине?

– Я вижу, что Мирослав очень плохо понимает по-русски, – сжав зубы, процедила Лара. – Объясните ему кто-нибудь, что я просила снять только кепку. Здесь университет, а не стриптиз-бар.

Студенты хохотнули, отдавая должное самообладанию преподавательницы, и рабочая атмосфера мало-помалу восстановилась. Когда время занятия завершилось, Лара сдержанно попрощалась, а Мирек ухмыльнулся и пожелал ей хорошего дня. На чешском. И глянул так, что у нее мороз по коже пошел.

Как только последний студент покинул аудиторию, Лара упала на стул и уткнулась лицом в руки. К глазам подступили слезы. Ну за что ей это?! У неё никогда не было таких серьезных проблем со студентами, и надо же так, чтобы в чужой стране, в первый день, на первом же уроке ей попался вот такой придурок, который считает, что если видел её труссы, то может вести себя как ему вздумается. Жаловаться не хочется, но и как самой эту ситуацию решать – непонятно.

– Простить, пани магистро, – в дверях снова возник Антонин, нещадно коверкая звуки русского языка. – Я ручка теряю.

– Ищи, – равнодушно сказала Лара, надеясь, что он не заметил её покрасневших глаз. Антонин тщательно осмотрел парту и всё вокруг, а потом вдруг быстро подошел к её столу и тихо, на чистейшем русском сказал:

– Вы не расстраивайтесь, они не над вами смеялись. Просто «лариса» – это на чешском плед. Вернее, такой вид пледа, он обычно синтетический и очень теплый.

– Плед?! – ошарашенно переспросила Лара.

– Ну да, – извиняюще развел руками он.

Прекрасно. Я ваш преподаватель Плед. Зовите меня Плед. Еще бы они не смеялись!

– А зачем ты так плохо говорил? Ты же русский, верно?

– Мама русская, – признался Антонин, – я билингв. Но наши особо не знают, в универе тоже не в курсе, так что я могу записываться на занятия русским как иностранным, – он хитро

улыбнулся: – И сдавать его без особого труда! Знали бы, что это мой родной язык, не разрешили бы.

– То есть ты скрываешься? – вдруг рассмеялась Лара.

– Типа того, – хмыкнул он. – Я вам письменные работы буду нормальные сдавать, а говорить буду плохо, чтобы в итоге средняя оценка вышла. Не сдадите меня?

– Нет, Антонин, – Лара заговорщицки усмехнулась, чувствуя симпатию к этому парню. И почему он дружит с таким дебилом, как Мирек?

– Спасибо, – улыбнулся в ответ тот, – и зовите меня лучше Тонда.

А уже у самой двери, обернувшись, вдруг сказал:

– Кстати, не верьте Миреку, он нормально понимает русский, хоть и не очень на нем говорит.

И скрылся в коридоре.

Мирек раздраженно пинал ножку скамейки. Что так долго? Зайти в аудиторию и забрать ручку – это полминуты максимум. Какого хрена Тонда там трется? Тоже заценил новую преподашу?

Он-то еще в прачечной всё увидел: и красивую круглую задницу, и грудь, и невинное личико с глазами, в которых плясали черти. Но когда это богатство оказалось упаковано в обтягивающую юбку и рубашку, где пуговицы едва не трещали под напором пышной груди, стало совсем тяжело. Еще волосы эти, гладко зачесанные, яркая помада, каблучки... Готовая картинка из порно. Там тоже некоторые ролики начинались вот с такой секс-училки, которая сначала стояла у доски, а потом...

Мирек раздраженно чертыхнулся, ощущая, как начинает возбуждаться. И кадрам, разворачивающимся сейчас в его голове, порнхаб позавидовал бы лютой завистью.

– Нашел! – Тонда махнул ему рукой с того конца коридора. – Идем!

– А что искал? – мрачно осведомился Мирек, – Сиськи у этой русской?

Вместо нейтрального «Ruska» для обозначения национальности, он использовал грубовато-фривольное «Rusanda», и друг ожидаемо взбесился.

– Слышь, я так-то тоже русский наполовину, – заиграл он желваками. – За базаром следи.

– Да какой из тебя нахрен русский, – отмахнулся Мирек. – Гражданство у тебя какое? А у матери твоей? Ну вот и всё. Так чё ты поперся-то к этой? Знакомиться? Предложить потрахаться по причине общей национальности?

Тонда закатил глаза. Гребаный пошляк, везде ему только секс и мерещится. Вот у Тонды и близко таких мыслей не было, жалко просто стало девушку. Ничего не понимает, явно первый раз за границей, и так старалась хорошо провести занятие... Еще и с именем ей, прямо скажем, не повезло. А этот дебил прям целенаправленно её доводил.

– Кстати, про потрахаться, – уточнил он, внимательно глядя на друга. – Мирку, а какого фига ты устроил это на уроке?

– Что «это»? – изобразил непонимание тот.

– Дебилом не притворяйся, а то поверю! Прессом своим светил перед училкой и изображал, что нифига её не понимаешь.

– Да так, просто, по приколу! – отмахнулся Мирек, – В столовку идем?

– Идем, – хмыкнул Тонда, который ни на секунду ему не поверил.

– Лара! – заглянул на кафедру Лукаш. – Пойдешь обедать?

– Пойду, – кивнула она. У неё как раз было окно, можно было не торопясь поесть и заодно обсудить сегодняшнее происшествие.

Университетская столовая находилась в отдельно стоящем здании и называлась странным словом «мэнза». В обеденном меню традиционно предлагался суп (Лара уже успела понять, что супы у чехов были не слишком сытными и считались чем-то вроде разминки к основной еде) и четыре варианта второго: пара стандартных, одно вегетарианское и одно специальное – подороже. Вчера Лара с удовольствием съела фасолевый суп, рис с курицей и ничего специфического в чешском меню не заметила. А вот сегодня для понимания блюд потребовалась помощь Лукаша.

– Что это за суп? – спросила она. – *Dršťková polévka*?

– Хм, – явно задумался чех, – ну это варится из... как это будет на английском... Да, точно! Из желудка коровы! Вкусно!

Лара с трудом подавила рвотный рефлекс.

– Нет, – замотала она яростно головой. – Я не буду!

– Обед без супа? – удивился Лукаш, – Ну как хочешь, конечно.

Он взял себе суп и галушки с кислой капустой и копченым мясом, а Лара, которая терпеть не могла капусту, в итоге решила попробовать *hovězí svíčkovou* – говядину в соусе, которая подавалась с кнедликами.

Лара столько слышала про эти кнедлики, что ожидала от них какого-то гастрономического оргазма, а оказалось, что это просто что-то типа хлеба, чтобы макать в соус. Соус, кстати, был очень вкусный – она так и не поняла, из каких овощей он сделан, но съела весь.

– Как первый урок? – Лукаш с аппетитом хлебал странный суп, а Лара старалась лишний раз не смотреть и даже не дышать в сторону его тарелки.

– Честно говоря, не очень, – призналась она. – Один студент очень вызывающе вел себя. Может, надо об этом куда-то сообщить?

– Этот? – вдруг спросил Лукаш и слегка кивнул в сторону дальнего угла столовой. Лара искоса глянула туда, и сердце в пятки ушло: там сидел хмурый Мирек и протирали на ней дырку глазами.

– Да, это он, – тихо сказала Лара. – А что, у тебя с ним тоже проблемы?

– Я в первый раз его вижу, – хмыкнул Лукаш, отодвинул пустую тарелку из-под супа и принялся за второе. – Просто он так смотрит на тебя... Видимо, понравилась. Думаю, поэтому он и вел себя так на занятии. И знаешь – ты только не обижайся! – но ты сама в этом виновата.

– Я?!

– Ты слишком... гм, вызывающе одета. Ребята молодые, понятно, что у них будут возникать определенные... гм, желания. У нас принято одеваться скромнее.

Лара боялась поднять глаза, лицо жгло от стыда. Да, она обратила внимание, что коллеги по кафедре проводили её слишком внимательными взглядами, но подумала, что это просто от любопытства. Она попыталась вспомнить, как были одеты другие женщины-преподаватели: что-то нейтральное, не привлекающее взгляда и... не отвлекающее от учебы. В отличие от наряда Лары. Обтягивающих юбок точно ни у кого не было. И каблуков. Похоже, Лукаш прав, хоть это и ужасно неприятно признавать.

– Не расстраивайся, – попытался подбодрить её он. – Зато ты можешь красиво одеться завтра!

– Почему завтра? – недоуменно подняла брови Лара.

– Потому что я приглашаю тебя на свидание!

Все-таки есть определенные плюсы в ситуации, когда два человека говорят между собой на иностранном языке, который чужой для них обоих. Никаких полутонов типа «а может прогуляемся и посмотрим на закат». Все четко, ясно и недвусмысленно. И, кстати, почему бы и нет?!

– Спасибо, – Лара постаралась ласково улыбнуться, – я согласна.

И машинально бросила взгляд в сторону своего студента, который, уже не обращая на неё внимания, переговаривался о чем-то с другом. Симпатичный этот Мирек, конечно, что тут скажешь. Высокий, крепкий. С этими встрепанными черными волосами, наглыми зелеными глазами и чувственным изгибом губ – просто погибель девичьих сердец.

Вот пусть и покоряет молодых глупых девчонок. А взрослая ответственная женщина пойдет завтра на свидание со взрослым ответственным мужчиной. И очень постарается испытать от этого радость и счастье.

Глава 5. Хочу и нельзя

Гавличковы сады, в которые Лару привез Лукаш, её сразу очаровали. Она не видела их ни в одном из туристических буклетов, которые просматривала перед поездкой, и это было странно: парк оказался восхитителен! Огромный, роскошный, он был оформлен в виде многоуровневого английского сада. Пока они неторопливо шли на самую вершину холма, Лара восторженно ахала и принималась фотографировать всё, что видела: изящный мостик через ручей, каменный грот с водопадом, гигантские деревья, зеленые ровные лужайки, деревянную беседку... Лукаш улыбался, терпеливо ждал, пока она не налюбуется, и вел её дальше. С вершины холма, куда они наконец поднялись, открывался волшебный вид на виноградники и на вечернюю Прагу.

– Настоящие виноградники?! – не верила своим глазам Лара.

– Более чем, – заверил её Лукаш, – а сейчас мы спустимся в винный погреб Гребовка и попробуем вино, которое получается из этого винограда.

– Вау! – Лара рассмеялась. – Вот это сюрприз! Теперь понятно, почему ты сегодня без машины.

Винный погреб был крошечным полуподвальным помещением, где стоял всего один большой стол и барная стойка, зато за стеклянной перегородкой выстроились огромные бочки с вином. Молчаливый бармен налил им в бокалы белое урожая прошлого года, и они вышли на улицу. Кругом рос виноград, и можно было протянуть руку и сорвать ягоду, но Лара не решалась. Зато с удовольствием отпивала из бокала, ощущая на языке прохладный виноградный вкус. Они нашли чуть подалеже скамейку и присели, причем рука Лукаша оказалась прямо за спиной Лары. Вряд ли случайно.

– Даже не верится, что осень! – тихо проговорила Лара. – Так тепло, и всё такое зеленое.

– А сейчас и не осень, – откликнулся Лукаш, расслабленно покручивая в руке бокал. – Она 22 сентября начнется.

– Почему? – чуть не подавилась вином Лара. – У вас в Чехии какой-то другой календарь?

– Нет, такой же. Просто принято считать, что осень начинается только 22 сентября. До этого дня обычно еще тепло, астрономически это еще лето.

Лара пила вино и размышляла. Странно, конечно. На первый взгляд между Россией и Чехией не так много культурных отличий, а копни глубже – и окажется, что у них даже осень начинается не 1 сентября.

Тут Лукаш решительно вздохнул и пододвинулся к ней ближе. «Целовать будет», – вдруг с неожиданной тоской подумала Лара. И не ошиблась.

Он предусмотрительно поставил свой бокал на землю и теперь одной рукой обнимал Лару за бедра, а второй мягко придерживал затылок, пока его губы довольно уверенно знакомились с Лариными. Она же так и сидела с бокалом в руке и переживала не столько за поцелуй, сколько за то, не прольет ли вино на любимый летний сарафан. Кстати, зря не взяла ничего накинуть на голые плечи – может, у них сентябрь и считается летом, но вечера-то уже прохладные. Сейчас солнце сядет – она вообще замерзнет.

Стоп! Её же целуют! А она, вместо того, чтобы наслаждаться процессом, думает про вино и теплую кофту. Ладно хоть не про учебные планы на следующую неделю. Лара чуть не застонала от досады. Не так! Всё не так!

Лукаш отстранился, почувствовав неладное.

– Ты... не хочешь?

– Думала, что хочу, – честно ответила Лара. – Прости...

Возбуждения не было совсем, как будто она в шахматы играла, а не целовалась с симпатичным парнем посреди прекрасного виноградника.

– Что ж... – ему явно было неловко, он попытался улыбнуться, но выглядело это немного жалко, – Ласку си нэвинутиш, как говорят в Чехии.

– Насильно мил не будешь, – грустно улыбнулась Лара. Может, со временами года у них и несовпадение, зато пословицы очень похожи.

– Можем еще погулять.

– Прости, но я бы лучше поехала домой.

Лукаш молча кивнул, а Ларе хотелось встряхнуть свое тело за плечи и заорать: «Какого рожна тебе еще надо?! Ну вот же отличный мужик перед тобой! Почему ты на него никак не реагируешь?»

Ответа не было. Свидание провалилось, а с ним и надежда на хорошие отношения с хорошим парнем. Прости, Лукаш, очень хотелось бы, но что-то не получается.

В понедельник на работу Лара шла с опаской. Она уже успела увидеть всех своих студентов, и со всеми получилось установить спокойные деловые отношения: начинающие изучать русский пыхтели, повторяя «Кто это? Это студент. Что это? Это стол», продолжающие отрабатывали падежные окончания и видовые пары глаголов, и только группа студентов-экономистов вызвала опасения. Потому что там был гребаный Мирек.

В выходные Лара перетряхнула весь свой скудный гардероб, наложила вето на обтягивающие белые рубашки (похоже, она немного поправилась, и грудь теперь из них выпирала и правда довольно вызывающе), одобрила скучнейшее сочетание синего свитера и черной юбки, ну а победителем в номинации «Антисекс», безусловно, стало купленное мамой серое платье. Длинной ниже колен, бесформенное, невыразительного мышиного цвета и с ужасным воротничком-хомутом, способным изуродовать даже самую прекрасную фигуру. Решено! Вот в нем она и пойдет к экономистам!

Правда, каблуки все равно пришлось надеть: другой обуви, не считая старых кроссовок, у Лары просто не было.

Перед началом занятий в голове билась дурацкая мысль «Хоть бы не пришел! Хоть бы уехал, заболел или проспал...», но нет... Приперся. Лара старалась не смотреть на высокую мужскую фигуру, выросшую в дверном проеме, но кожей чувствовала, что он-то как раз на нее смотрит.

– Добры дэн, – раздался его низкий, чуть хриловатый голос. Непонятно, на чешском сказал или на русском. И не прикопаешься.

– Здравствуйте, – холодно ответила Лара, не поворачивая головы и делая вид, что просматривает материалы.

– Здравствуйте, пани магистро! – с дичайшим чешским акцентом провозгласил Тонда, вошедший следом. В отличие от хмурого Мирка этот был просто само очарование, и Лара, не удержавшись от улыбки, коротко кивнула в ответ на его приветствие.

Парни сели на первую парту, и Мирек снова уставился на неё из-под козырька своей черной бейсболки. Взгляд был физически ощутим: от него горела кожа и предательски тянуло в груди.

– Добрый день, начинаем наше занятие. Мирослав, снимите, пожалуйста, кепку.

Он усмехнулся, но молча снял, пригладив рукой взъерошенные черные пряди. Ожидавшая очередной перепалки Лара обрадовалась, немного расслабилась и стала вести урок. На удивление, проблем больше не было: Мирек вел себя, как и все студенты на занятии, настораживал только его взгляд – как у кошки, которая играет с пойманной мышью, но об этом Лара старалась не думать.

Закончив урок и попрощавшись с ребятами, она не могла поверить своему счастью: неужели обошлось без выходов этого наглого парня? А все мамино платье! Прямо не платье, а оберег от мужчин! Надо ей позвонить и сказать «спасибо»!

Все студенты уже веселой щебечущей стайкой покинули аудиторию, и только Мирек еще возился, что-то бесконечно перекладывая в своем рюкзаке.

– Nečekej na mě, jdi (*Не жди меня, иди*), – бросил он наконец Тонде. – Máám se na něso zeptat (*Мне надо кое-что спросить*)

Глаза того зажглись дичайшим любопытством, он глянул на обманчиво спокойного Мирка, потом на напрягшуюся Лару, широко улыбнулся, попрощался на ломаном русском и, посвистывая, вышел из аудитории.

Когда они остались вдвоем, воздух в помещении как будто сгустился. Лара непроизвольно сглотнула, ощутив, как сильно пересохло в горле. Хорошо, что дверь открыта – если что, можно будет кого-то позвать на помощь. Хотя чего она боится? Можно подумать, он и правда ей может что-то сделать! Скорее всего просто решил что-то спросить по теме урока. Или извиниться за свое поведение на прошлом занятии.

Мирек молча подошел к её столу. Высокий, как большинство чешских парней, крепкий, но при этом не раскоченный – видно, что реально спортом занимается, а не просто глотает протеин и в тренажерку ходит. Сухие сильные руки, узкие бедра, крепкая шея... Он производил впечатление хищного зверя, каждая мышца на теле которого была создана не для красоты, а для дела – догонять, хватать, загрызть. И под его немигающим взглядом Лара ощущала себя наивной ланью, которая повстречала на прогулке тигра.

– To je tvoje (*Это твоё*), – коротко сказал он, вытащил что-то из кармана и положил ей на стол. И через секунду Лара так сильно и мучительно покраснела, что вспыхнули даже уши. Перед ней лежали её собственные желтые трусы со Спанч-Бобом. Значит, не потерялись... Значит, это все же он их тогда подобрал, когда она наскоро похватила раскиданное белье и сбежала.

– Ты... ты... – она хватала воздух ртом.

Мирек ловил кайф: вид строгой учительницы, которая, враз растеряв свою неприступность, бешено краснела и кусала свои пухлые губки, был так хорош, что хотелось перекинуть её через плечо, утащить к себе и не выпускать из кровати минимум неделю. Давно не видел таких сексуальных девчонок – даже серый балахон её не портил, к тому же, он знал, какая чудная фигурка под ним скрывается. И ведь он ей тоже нравится. Мирек же не дурак: видел, как эта русская красотка на него смотрит. И как дышит учащенно, и как залипает взглядом на его руках, и как непроизвольно облизывает губы.

Проверяя свои догадки, Мирек положил широкую ладонь на её бледные тонкие пальцы, которыми она отчаянно вцепилась в столешницу. И по мгновенно вздрогнувшему телу и расширившимся глазам понял, что не ошибся. Его самого от этого невинного прикосновения прострелило электричеством от затылка до самых пяток, и остатки мозгов тут же стекли к моментально вставшему члену. Такого стояка он даже в подростковом возрасте не помнил – хотелось так, что аж трясло.

– Ты такая красивая, – зашептал он на чешском, нежно поглаживая большим пальцем её руку, – ты мне пиздец как нравишься, я так хочу тебя целовать... везде... хочу трахнуть тебя прямо на этом столе...

Мирек знал, что она его не понимает, и поэтому не сдерживал себя в словах. И в этом тоже было какое-то извращенное удовольствие.

Он медленно потянулся к ней через стол, завороченно глядя на пышную грудь, тяжело вздымающуюся под серой тканью, потом, не удержавшись, коснулся... и вдруг отскочил, взыв от боли. Что это, вашу мать, было? Мирек потер ноющую голову и, только увидев разъяренную Лару с огромной книжкой в руках, сообразил наконец, что произошло. Нежная, как фиалка, учительница только что огрела его чешско-русским словарем. От души так приложила.

– Добавить? – деловито спросила она. – Или и так понятно?

Мирек отрицательно замотал головой.

– Слушай сюда, мальчик, – её голос звенел от еле сдерживаемой холодной ярости, – еще раз распустишь свои поганые руки, я отправлюсь к руководству университета. И ничем хорошим для тебя это не кончится. Понял? Или на английском сказать?

– Понял, – эхом повторил он, уловив скорее общий посыл ее гневной речи, чем смысл отдельных слов.

– Вот и прекрасно! А теперь быстро свалил отсюда. Студенты меня не интересуют.

– А преподаватели? – нехорошо ухмыльнулся Мирек, сразу вспомнивший незнакомого самодовольного чувака в костюме, который сидел рядом с Ларой в столовке и ревниво на него поглядывал.

– Да, – отчеканила она, а серые глаза злобно полыхнули. – Я встречаюсь с Лукашем, преподавателем английского. Он взрослый интересный мужчина, и очень мне нравится. Доволен? Теперь ты оставишь меня в покое, я надеюсь?

Мирек молча схватил рюкзак и направился к выходу, а у дверей его догнал сладкий голосок училки:

– И спасибо за трусы! Очень мило с твоей стороны, что ты решил мне их вернуть!

Мирек шарахнул дверью так, что она чуть не сорвалась с петель, и вылетел из аудитории.

Лара обессиленно опустилась на стул. Твою мать... И что это сейчас было? Нет, то, что она послала мальчишку куда подальше – это все верно и замечательно. Еще и про Лукаша удалось так удачно вернуть – чтобы уж наверняка. С книжкой, правда, немного перебор вышел. Ну перешла немного границы дозволенного – но ведь не убила же? Тем более он первый к ней полез. Еще и так полез...

А вот с этого момента, дорогая Лариса Дмитриевна, давайте поподробней: какого черта вы стояли и молчали, хлопая глазками, пока студент гладил вашу руку и горячо шептал какие-то явно пошлые вещи? Лара крупно вздрогнула, вспоминая этот низкий хриплый шепот и то, сколько неприкрытого обещания звучало в этих непонятных словах. Даже сейчас обжигает, а тогда это просто кошмар какой-то был – Мирек будто её загипнотизировал. А тяжесть мужской руки, прижавшей её ладонь, была такой приятной, что в голове тут же вспыхнула мысль о том, как было бы хорошо, если бы он накрыл её вот так всем своим сильным крепким телом... так, чтобы не могла вырваться... чтобы задышалась под ним и стонала... чтобы ничего не видела, кроме этих прозрачных зеленых глаз с дьявольскими искрами...

Черт!

Лара тяжело дышала, с ненавистью ощущая все предательские реакции своего тела: и вставшие колом соски, и сладко тянущий низ живота, и даже мокрые трусы (от чего особенно стыдно!) Что ж. Она хочет своего студента. Наглого, беспардонного, отвратительного мальчишку. Пожалуй, из всех подстав, которые её тело когда-либо ей устраивало, это была сама крупная. И как ей из этого выбираться, Лара еще не придумала.

Глава 6. Война по правилам и без

На следующий день Лара неожиданно рано проснулась. Когда она ткнула в мобильник, чтобы посмотреть время, он показывал только 6:45. Спать больше не хотелось, так что, немного повалявшись, она встала и распахнула шторы – уже начинало светать. На сером, затянутом тучами небе понемногу брезжил рассвет. Лара зевнула и посмотрела на улицу: перед корпусом общежития кто-то катался на скейте. В такую рань. Вот делать людям нечего. Ладно бы было что полезное: бег там или занятия на тренажерах, а то скейт! В ее голове доска с колёсиками неразрывно была связана с нечесаными патлатыми подростками, которые просиживали вечерами перед их подъездом. Иногда кто-то из них, не вынимая сигарету изо рта, с шиком проезжался по разбитой асфальтовой дороге, потом скейт снова прислонялся к скамейке, и ребята продолжали пить пиво.

Лара хотела задернуть шторы обратно и пойти включить чайник, но почему-то зависла на катающемся, который, сделав несколько кругов на скейте по площади перед общежитием, слегка согнул ноги и, резко выпрямившись, вдруг ловко прокрутил доску под собой. Ого! Лара заинтересованно хмыкнула и продолжила наблюдать, напрочь позабыв про чай.

Скейтер остановился, плотнее зашнуровал обувь и продолжил кататься, на этот раз ловко заскочив на скамейку и проехав по ней только двумя колесиками из четырех. А потом, навернув еще круг, просто взял... и перепрыгнул на скейте через эту скамейку. Лара смотрела открыв рот. Казалось, что он это делает без малейших усилий – настолько легко скользила под ним доска, послушная каждому его движению, настолько расслабленным было его тело, собираясь лишь в момент трюка. Вдруг скейтер развернулся в сторону лестницы и поехал к ступенькам. Лара ахнула: он же не будет прыгать на скейте с лестницы? Это уже самоубийство какое-то! Но все оказалось еще хуже. Он подпрыгнул и... поехал на скейте по узким металлическим трубам перил. Невозможно! Невероятно!

Но вдруг на середине пути что-то пошло не так – доска выскользнула у него из-под ног, а сам он, жестко врезавшись грудью в перила, полетел вниз. Секунду полежав на асфальте, парень неловко встал, а Лара выдохнула. Оказывается, она как вдохнула в момент его падения, так и не дышала, пока он не поднялся на ноги. Скейтер потер бок, а потом неожиданно рассмеялся и стянул с головы капюшон толстовки. Ветер взъерошил знакомые черные пряди, рассветные лучи высветили прямой нос и скульптурно вылепленные скулы. Не может быть... Мирек?!

И тут он вдруг поднял голову и посмотрел вверх. Туда, где было её лицо. Лара тут же отскочила от окна, сердце её билось, как у пойманного зайца. Не мог же он её заметить – комната была аж на десятом этаже. Или все-таки мог?

Теперь она не понимала, как сразу не узнала своего студента. Мирек ездил на скейте с той же расслабленной звериной грацией, что отличала все его движения. Ленивый тигр, который собирается лишь перед решающим рывком, но зато в этот момент он абсолютно смертоносен и безумно прекрасен.

Следовало признать, что катался Мирослав здорово. Даже она засмотрелась. Но лучше бы он учился с таким же упорством, с каким на скейте ездит – намного больше пользы было бы! Хотя что с него взять – юный раздолбай, как и большинство ребят его возраста.

В четверг по расписанию стояло занятие у группы экономистов, и Лара очень надеялась, что её прошлое внушение подействовало на Мирека. Мало ли какие у нее мысли и желания в голове бродят – это точно не повод, чтобы отвечать на ухаживания студента. Особенно если она хочет, чтобы ей предложили продлить рабочий контракт с университетом.

Урок начался достаточно спокойно, и Лара уже надеялась, что так все и будет дальше. Мирек сумрачно молчал, иногда машинально потирая ушибленный бок, Тонда шутил – иногда даже смешно, а девчонки хихикали – все было, как всегда.

– Пани магистро, а что значит «имущество»? – задала вдруг вопрос одна из студенток, наткнувшись на это слово в тексте.

– Property, – коротко ответила Лара. Перевод на английский был самым простым путем объяснить новое слово.

– А на чешском?

– Majetek, – выпалил Тонда, подрывая свою легенду о плохом знании русского языка, а Лара пожала плечами, показывая, что она понятия не имеет, правильный ли это ответ.

– А вы на чешском совсем не говорите? – с любопытством спросила другая студентка.

– Совсем.

Лара не кривила душой: чешский ей пока не давался. Ухо выхватывало из речи знакомые слова – «пиво», «стул», «лектор», «студент», но без контекста они не имели смысла. Кстати, потом оказалось, что «стул» – это на самом деле «стол», и Лара поняла, что русский язык ей в понимании чешского не помощник. Она попыталась было начать учить язык по учебнику, но это настолько отличалось от быстрой, живой, насыщенной сокращениями и жаргонизмами речи, которую она слышала вокруг, что быстро забросила это дело. Все-таки учить английский (как и говорить на нем) было намного проще, на нём в основном общаешься с такими же иностранцами. А на чешском сразу сталкиваешься с носителями языка, которые не делают тебе никаких скидок. Как будто из детского сада сразу в университет перешел.

– И не понимаете ничего по-чешски? – не унималась настырная студентка.

– Нет, – Лара ответила чуть резче, чем стоило бы, но просто этот расспрос ей уже начал надоедать.

И вдруг молчавший до этого Мирек развернулся к той девчонке, одарил её сногсшибательной улыбкой и заговорщицки подмигнул:

– Prubneme to (*Давай проверим*).

Студентка глупо заулыбалась, глядя на симпатичного однокурсника, вдруг проявившего к ней внимание, а Лара напряженно застыла, ожидая подвоха. И не ошиблась.

Мирек повернул голову к преподавательнице, усмехнулся, а затем, глядя ей в глаза, негромко и спокойно проговорил несколько фраз, от которых в аудитории установилась мертвенная тишина. Лара не поняла ни слова, но стало отчего-то гадко. А, судя по тому, как застыли девчонки, прижав ладошки к раскрытым от удивления ртам, ничего хорошего Мирек не сказал.

– Tak jo, ona nám fakt nerozumí (*Она и правда нас не понимает*), – хмыкнул он, и вдруг рядом с ним подскочил побледневший Тонда.

– Seš debil?! (*Ты debil?*) – рявкнул он, схватил друга за грудки и начал ему что-то шипеть на чешском. Мирек же, судя по интонации, лениво отбрехивался, а с красивого лица не сползала издевательская усмешка. Девчонки возбужденно зашумели, обсуждая произошедшее. Про преподавательницу все будто забыли.

– Что он сказал? – громко спросила Лара, и все замолчали и посмотрели на неё.

– Ничего, – пролепетала одна из студенток.

– Ничего, – тут же подтвердили все остальные.

Вот мудака. Как грамотно рассчитано. Даже если он её сейчас оскорбил самыми грязными словами, она об этом никак не узнает. Сама она не поняла ни слова, а студенты никогда своего не сдадут, даже если и не очень одобряют такую злую шутку.

– Тонда? – Лара перевела взгляд на него. Не строгий, скорее просящий. Блин, встань хоть ты на мою сторону! Ты же понимаешь, как мне непросто!

– Лариса Дмитриевна, простите, – от волнения Тонда забыл, что должен изображать акцент. – Мирек так больше не будет.

– Что. Он. Сказал, – повторила Лара свой вопрос.

– Ничего особенного, – Тонда прятал глаза. – Так, глупости всякие. Он просто идиот и не лечится. Простите, мы выйдем...

И выволоч ухмыляющегося Мирека в коридор. Может, он, конечно, ему и навалает сейчас, но сдавать приятеля явно не будет.

Студентки, абсолютно не стесняясь Лары, громко переговаривались между собой на чешском, обсуждая произошедшее. Раньше им, видимо, и в голову не приходило так делать, а тут ощутили безнаказанность.

– На моем занятии мы говорим ТОЛЬКО на русском языке, – стальным голосом отчеканила Лара, ощущая, как смолкает девичий шепоток, – в крайнем случае используем английский. И раз мы говорим про деловой этикет, то общаться во время бизнес-встреч на непонятном собеседнику языке – дурной тон. Я понятно объяснила?

– Да...

– Вот и хорошо. Жаль, что ваш одноклассник так плохо воспитан, но постараемся забыть об этом неприятном моменте и вернемся к нашему тексту...

Лара умела вещать спокойным строгим голосом в любом физическом и эмоциональном состоянии, но сейчас это было особенно тяжело. Внутри билась самая настоящая злоба, и очень хотелось сделать больно в ответ.

Повод представился на следующем занятии.

– Нет, этот диалог я вам не могу зачитать, Мирослав, – с притворным огорчением покачала Лара головой. – Вы допустили шесть грамматических и восемь лексических ошибок. Надо лучше заниматься!

Она ожидала, что он начнет возмущаться, и тогда Лара с удовольствием ткнет его носом в критерии оценки знаний для этого курса и этого уровня. Как это часто бывало в университетах, на бумаге от студентов ожидали гораздо большего, чем они могли на самом деле. Особенно это касалось иностранных языков. Прекрасно это понимая, Лара не требовала от ребят невозможного и оценивала больше старания и реальный прогресс, чем фактические умения, но для Мирослава теперь таких поблажек не будет!

Да, это по-детски – мстить вот так, через оценки, а что ей еще остается? И потом, для него такие придиры даже полезны. Русский лучше выучит.

Мирек стоял и молча на неё смотрел.

– Незачет! – повысила голос Лара. – Вы меня слышите, Мирослав?

Он ухмыльнулся и медленно кивнул, а потом что-то тихо проговорил себе под нос. По-чешски. Опять. Вот гаденыш! Этот студент скоро доведет её до того, что она начнет его по-болгарски матом крыть. Она бы, конечно, с большим удовольствием сделала это на русском, но русский он, к сожалению, худо-бедно понимает.

– Что вы говорите, Мирослав? – переспросила Лара. – Просите дополнительных заданий, чтобы лучше разобраться с темой? Да, конечно! – и почти швырнула в него стопкой ксерокопий. Она, конечно, замучается потом проверять домашку, но это того стоило. Каким удовольствием было видеть эти наглые зеленые глаза, вспыхнувшие от едва сдерживаемого бешенства.

В аудитории раздалась сдержанная смешки. Открыто смеяться над Миреком никто бы не стал, тем более он явно нравился всем без исключения студенткам, но видно было, что ситуация девчонок забавляла.

– *Mrcha (стерва)*, – проговорил Мирек одними губами, так, что услышала только Лара. Слово было для нее незнакомое, но, судя по интонации, относилось к ругательным.

– *Тыпак (идиот – болг.)*, – не выдержала Лара и чуть не захохотала, увидев, как недоуменно поднялись темные брови. Вот пусть теперь этот придурок гадает, что она ему сказала.

– Чем больше я услышу от тебя чешских слов, тем больше ты получишь дополнительных заданий, – сообщила ему Лара и, широко улыбаясь, пододвинула к нему еще одну страницу. – Вопросы?

Мирек зло сощурился, сгреб бумаги и пошел на свое место.

А после занятий подошел к ней. В аудитории, кроме него, оставался только Тонда – девчонки убежали почти сразу.

– Ты ошиблась, – как и все чехи, он специфично выговаривал букву «л», в остальном же говорил довольно сносно.

– Вы! – зло одернула Лара зарвавшегося студента. Короткая усмешка, скользнувшая по его губам, доказывала, что это не было случайной оговоркой.

– Это мы еще не проходили, – Мирек с торжествующим видом вернул ей половину стопки с заданиями. Лара глянула на них и заскрипела зубами. Формально он был прав.

– А тут пятно, – он, ухмыльнувшись, положил еще несколько листочков, где задания были плохо видны из-за растекшегося черного маркера. Лара готова была поклясться, что пятно появилось уже после того, как ксерокопии оказались у Мирка, но доказать это было нереально.

– Хорошо, – процедила она, смяла испорченные листки и кинула их в мусорку. – Это всё? Или вы еще что-то придумали, Мирослав, чтобы не делать мои задания?

– Нет, но обязательно придумываю, – отозвался он, ничуть не смущаясь.

– Придумаю, – машинально поправила его Лара. – Если бы вы, Мирослав, больше времени уделяли учебе, вместе того чтобы на скейте кататься, у вас бы не было с русским языком таких проблем.

– А ты видела меня на скейту? – сверкнул самоуверенной улыбкой Мирек. – Понравилось?

– Очень понравилось, – кивнула Лара, сохраняя безмятежное выражение лица, – особенно когда ты об перила приложился. А дальше я смотреть не стала.

Тонда явно с трудом сдерживался, чтобы не заржать в голос.

– Лариса Дмитриевна, я заберу этого идиота, – встрял он в разговор, бесцеремонно хватая друга за рукав, – а то он сейчас наговорит вам на еще одну стопку заданий, и мне не с кем будет вечером пива попить.

– Тондо! – рыкнул на него Мирек, но тот уже потащил его к выходу.

– До свидания, Лариса Дмитриевна! – вежливо попрощался он.

– До свидания, Антон, – отозвалась Лара и вдруг осеклась. – Ой, прости. Сама не знаю, почему так тебя назвала. Тонда. Конечно же, Тонда.

Но тот вдруг смущенно улыбнулся и проговорил:

– Да можно и Антон. Меня так мама называет. Но только не при других студентах, ладно?

И, слегка покраснев, выскользнул за дверь даже раньше своего друга.

– Слышь, и че это было? – зло осведомился Мирек. – Когда это ты с ней собрался общаться «не при других студентах»?

– Остынь, – хмыкнул Тонда, – я просто так сказал.

– Много блин говоришь!

– Только сейчас заметил? Раньше тебя это не напрягало.

– А теперь напрягает, – рявкнул он.

– Мирку, – его друг остановился и вздохнул, – а тебе не кажется, что ты херню творишь? Она, конечно, молодая и симпатичная, но она ведь преподаватель. Ей достаточно пару слов сказать, и ты вылетишь из универа со свистом. Тебе это надо? Она ведь тебе все равно не даст. Особенно если ты продолжишь вести себя как debil.

– Заткнись!

– Хотя, – призадумался Тонда, – даже если станешь белым и пушистым, все равно не даст, – и ловко увернулся от взбешенного друга, который едва не пнул его.

– Мирку, ну правда, чего ты к ней прицепился? На экономе всех девок уже перетрахал? Так иди на другой факультет, поверь, тебе там тоже будут рады!

– А че ты меня отговариваешь, я не понял? Сам решил подкатить?

– Я в отличие от тебя не дурак, мне лишние проблемы не нужны. Да и не тянет меня на женщин постарше, это у тебя какие-то психологические отклонения проснулись.

– Сам ты отклонение! – взъярился Мирек.

Он никак не мог соединить у себя в голове образ хорошенькой, как картинка, преподавательницы и то, что она «женщина постарше». Какая она женщина? Девчонка. Которая одновременно и бесила, и вызывала желание зацеловать эти презрительно поджатые губы до несвязных хриплых стонов. Язык не поворачивался называть эту малышку на «вы» и ужасно хотелось дразнить её, чтобы не смотрела на него равнодушно, чтобы в спокойных серых глазах вспыхивал огонь. И пусть хоть завалит его дополнительными заданиями, отказываться от этого удовольствия Мирек не собирался.

Глава 7. Рыцарь на скейте

В субботу Лара наконец-то решила погулять по Праге одна. До этого её знакомил с городом Лукаш, но теперь вряд ли он согласится с ней поехать. Да и, если честно, очень хотелось насладиться прогулкой в одиночестве: чтобы никто не подгонял и не отпускал комментарии в духе «ничего интересного – типичное туристическое место». Конечно, немного было боязно, но радостное предвкушение пересиливало!

Помня коварную пражскую брусчатку, Лара вооружилась своими старенькими кроссовками, влезла в джинсы (надо поменьше увлекаться булочками, молния еле застегнулась) и утеплилась свитером. Можно было бы и пальто надеть, но Лара себе в нем так не нравилась, что с первой же зарплаты твердо решила купить себе куртку.

От университета до станции метро ходил автобус, Лара купила на остановке билетик, дождалась нужного ей сто седьмого и села у окошка. Погода была дивная! Солнце сияло, небо голубело, а сквозь зелень деревьев понемногу пробивалось осеннее золото – и хотелось смеяться от счастья, что все это происходит с ней!

– Mladá paní, – вдруг коснулся её плеча высокий хмурый мужик и показал какой-то жетон.

– Нэрозумим, – покачала головой Лара, слово «не понимаю» она выучила одним из первых, и пригождалось оно регулярно. Тогда мужчина не без труда перешел на корявый английский и попросил предъявить билет. Уф, слава Богу! А она уж испугалась!

С извиняющей улыбкой Лара протянула ему свой билетик, он повертел его и вдруг нахмурился.

– Он не действителен.

– Почему?

– Вы не пробили его, – контролер кивнул на желтый компостер в автобусе, на который Лара даже внимания не обратила. – Когда пробьете, билет начинает действовать и действует 90 минут. А сейчас надо заплатить штраф.

– Я же не знала, – пролепетала Лара.

– Закон есть закон, – равнодушно пожал он плечами и стал выписывать квитанцию. – Штраф 1500 крон. Если заплатите сейчас – 800. И билетик пробить не забудьте.

С собой у Лары было 1000 крон: она как раз сняла их с карты, потому что в столовой часто барахлил банковский терминал и удобнее было платить наличными. Проблема в том, что это были последние деньги. Отдаст – и до зарплаты останется 200 крон на две недели. Нереально. Но как можно не заплатить штраф?

Полыхая красными от злости щеками, Лара рассчиталась с контролером, подумала и вышла на следующей остановке, чтобы вернуться в общежитие. Там была последняя заначка – бабушкин подарок перед отъездом. 200 евро наличными. Надо будет съездить в обменник и поменять их на кроны, иначе до зарплаты она не дотянет.

Чтобы немного улучшить свое испорченное настроение, Лара решила перед тем, как снова ехать в центр, устроить себе вкусный субботний обед. Не в столовой, а в ресторане! Гульнуть, так сказать, на оставшиеся 200 крон!

Зайдя в небольшой ресторан «Na Farmě», Лара с удовольствием пролистала меню. Оно было на чешском, но названия еды Лара уже более-менее выучила.

– Дам си светлэ пиво а взпршовэ масо, – попыталась она на чешском заказать себе пиво и свинину. Официант благосклонно покивал (ура, он понял! он её понял!) и уточнил, что на гарнир:

– Овоцны салат, – ткнула в меню Лара. Официант переспросил:

– Овоцны?

Лара утвердительно кивнула. Мясо и овощной салат – вкусно и полезно! А то от картошки и кнедликов, которыми их кормят в столовой, она скоро ни в одни джинсы не влезет.

Официант бесшумно удалился, а бесконечно довольная собой Лара откинулась на спинку стула.

Настроение сразу поднялось на пару пунктов. Какая она все же молодец! Всего пару недель тут живет, а уже смогла сама на чешском поговорить. Лара собой невероятно гордилась.

Через несколько минут на столе появилась кружка с золотистым пивом, и жизнь стала совсем прекрасна!

До тех пор, пока ей не принесли аппетитно пахнущий кусок мяса и...вазочку с нарезанными фруктами, политыми соусом.

– Но...я хотела ovocný salát, – возмутилась Лара, мешая все языки в кучу, – чтобы там были эти... cucumber and tomato.

Официант с бесконечным спокойствием кивнул и объяснил, что это называется зэлэни-новы салат. А она заказала «овоцны», «овоце» – это фрукты, вот он и принес фруктовый салат. Поэтому к нему не может быть никаких претензий. Он заказ выполнил, и это надо будет оплатить. Принести пани еще один салат? С огурцами и помидорами?

Ларе ужасно хотелось нормального салата, но 200 крон, к сожалению, не резиновые. Их и так хватало впрытук, без чаевых. Лучше бы картошку заказала, честное слово... Или не выпендривалась бы и говорила на английском. Тоже мне, полиглот!

Настроение снова ухнуло вниз. Мясо было вкусное, но без гарнира есть его было непривычно. В итоге Лара осилила только половину куска. Надеялась порадовать себя незапланированным десертом, но салат оказался так себе: и без того сладкие фрукты полили приторным соусом, похожим на сгущенку, и есть это без чая было невозможно. Но на чай денег не было, а запивать сладкий салат пивом Лара не рискнула.

Расстроенная, она снова поехала в центр. На форумах говорили, что там есть арабские обменники с хорошим курсом, один из них она и планировала найти.

Вышла на Вацлавской площади и пошла, сверяясь с картой в мобильнике. Господи, Лара не ожидала, что их тут так много! Буквально на каждом шагу! А так как она смотрела на вывески обменников и замедляла перед ними шаг, то её мгновенно распознали как потенциальную клиентку и громко зазывали, обещая самый выгодный курс. В итоге растерявшаяся Лара позволила себя завести в один из таких обменников, где смуглый молодой человек (араб? или не араб?), учтиво поприветствовал её на прекрасном английском и написал на бумажке сумму, которую она получит за свои 200 евро. Сумма была немного больше, чем Лара ожидала, поэтому она, секунду подумав, кивнула и протянула парню свои деньги.

Тот забрал евро и ловко отсчитал пачку цветных банкнот. Лара их взяла и, уже пересчитывая, вдруг поняла, что здесь какой-то подвох. Деньги были очень похожи на чешские, но... не были ими. Лара разобрала надпись «форинт» на купюрах, и её затрясло:

– Заберите обратно, – прерывающимся голосом сказала она, – вы дали мне не те деньги, мне нужны были чешские кроны.

– Операции не отменяются, – сухо отрезал работник обменника. – Видите объявление? – и ткнул в какую-то табличку на стене.

– Вы не имеете права! Это последние деньги у меня, верните мне мои евро. Пожалуйста! Я прошу вас!

– Выйдите! – повысил на нее голос парень, тут же растерявший всю свою учтивость, и Лару почти вытолкали вназад.

По лицу текли слезы, и она кусала губы, чтобы не разрыдаться в голос. Что теперь делать? Принести эти странные деньги в банк и постараться получить за них хоть что-то? А вдруг это вообще фальшивки какие-то? Дура, господи, какая же она дура! Самая настоящая идиотка! Что теперь делать?!

– Hi! – вдруг раздался знакомый голос. Лара подняла голову и увидела... Мирека со скейтом в руках. Он шел по противоположной стороне улицы, на красивых губах играла неизменная усмешка, а рядом с ним был еще один парень – тоже со скейтом. Заметив её слезы, Мирек резко изменился в лице, перебежал дорогу и в несколько быстрых шагов оказался рядом с Ларой:

– What's happened? – требовательно спросил он.

Лара растерялась. Было ужасно стыдно, что Мирек увидел её в таком виде – всю в соплях и слезах, и первым желанием было посоветовать ему идти куда шел и не лезть к ней, но... Но зеленые глаза смотрели неожиданно сочувственно, а в голосе звучало искреннее беспокойство. И внезапно Лара поняла, что рада его видеть. Все же Мирек, несмотря на их непростые взаимоотношения, был одним из немногих людей, кого она знала в этом чужом городе. И Лара не удержалась и рассказала ему, стараясь не всхлипывать слишком громко, о том, как её обманули. Английский, на котором они сейчас говорили, как бы уравнивал их между собой, к тому же второй парень, который подошел чуть позже, тоже его понимал и даже задал несколько уточняющих вопросов.

– Давай чек и деньги и подожди тут, – Мирек бесцеремонно забрал у Лары ворох цветных купюр и хмыкнул: – Они тебе дали венгерские флоринты. Вот же суки!

– Я с тобой, – приятель кивнул ему, и оба парня – как были, со скейтами и в одинаковых кепках козырьками назад – вошли в обменник.

Лара осталась переживать на улице. На удивление, было все тихо – даже криков не было слышно. Но через пятнадцать минут парни вернулись, и Мирек сунул ей пачку крон.

– Держи, по вип-курсу поменяли.

– Спасибо! – Лара счастливо улыбнулась сквозь еще не высохшие слезы. – Как вам удалось?

– Пригрозили финансовой полицией, – хмыкнул другой, и вдруг по его интонации и по собравшимся в уголках глаз морщинкам Лара сообразила, что этот товарищ прилично старше Мирка. И даже скорее всего старше её самой. Ему лет тридцать, не меньше. Просто сбил с толку скейт и молодежная одежда.

– По закону, – добавил Мирек, – в течение трех часов после обмена ты можешь передумать и вернуть свои деньги обратно.

– Я не знала, – пробормотала Лара, теперь безумно жалея, что так легко сдалась.

– На это они и рассчитывали, – усмехнулся тот, что постарше, и протянул ей руку. – Я Макс.

Она уже привыкла, что тут при знакомстве все друг другу пожимают руку: и мужчины, и женщины – поэтому уверенно сжала его ладонь в ответ.

– Лара! Очень приятно.

– Лара, – тихо проговорил Мирек. Он в первый раз слышал эту форму её имени, и она ему очень понравилась.

– Какие дальше планы, Лара? – спросил Макс. Он был значительно ниже рослого Мирка, но такой же крепкий и жилистый. И довольно симпатичный – подчеркнуто мужские черты лица, лукавый взгляд голубых глаз и обаятельная улыбка.

– Поменять деньги – это и был весь мой план, – беззаботно ответила Лара, ловя себя на том, что улыбается Макс. – А потом я хотела гулять по Праге!

– Может, подойдет наша компания? – галантно предложил Макс, переглянувшись с Мирком.

Лара на секунду заколебалась: все же тут её студент... Но она ведь не делает ничего предосудительного? Просто гуляет. И тем более они будут не вдвоем.

– С удовольствием, – улыбнулась она, и от неприкрытой радости, вспыхнувшей в зеленых глазах Мирека, вдруг сжалось сердце.

Эта была классная прогулка! После всех пережитых сегодня волнений Лару наконец отпустило, в кровь выплеснулись эндорфины, и она чувствовала себя такой свободной и счастливой, как никогда раньше. Парни наперебой шутили и развлекали её, а Лара хохотала и немного заигрывала с Максом. Почему именно с ним? Потому что это было весело и совершенно безопасно: несмотря на то что она ему понравилась, не было ощущения, что он заинтересован в продолжении общения. А вот флиртовать с Миреком было невозможно сразу по нескольким причинам. Во-первых, он её студент, а во-вторых, это могло плохо кончиться. Ну или хорошо. Это как посмотреть.

В отличие от продуманной экскурсии, которую проводил ей Лукаш, эта прогулка была больше похожа на шатание по городу. Парни просто шли (а иногда и ехали) куда глаза глядят, и это было в сотни раз круче! Они заворачивали в какие-то дворики, шагали вдоль дорог, неожиданно выныривали возле каких-то достопримечательностей и снова терялись в пражских закоулках. А потом вдруг наткнулись на классную лестницу и тут же завопили, что им надо срочно тут покататься. Они по очереди скатывались по перилам, прыгали через ступени, вскакивали двумя колесами на край парапета, а у Лары каждый раз замирало сердце. При этом Макс, выполняющий трюки, вызывал у неё только удивление и сдержанное восхищение, а вот Мирек... Мирек пробуждал гораздо более сложный комплекс чувств. Поганец и так-то был хорош, а на скейте вообще превращался в ожившую сексуальную фантазию. Дерзкий, ловкий и безумно красивый в этой заломленной набок бейсболке, широких черных штанах и белой толстовке. Поразительно сексуальный в каждом своем резком движении, в каждом повороте доски, послушно следующей его приказам.

Насмотревшись на ребят, Лара через некоторое время стала мысленно их сравнивать и поняла, что Макс катается ровнее и увереннее. Видно было, что у него больше опыта. Мирек же катался более импульсивно и зло, как будто пытаясь что-то кому-то доказать.

Но когда он особенно лихо прокрутил под ногами доску, а потом в этом же прыжке красиво съехал по узким металлическим перилам, Макс одобрительно присвистнул.

– Ты бы сегодня так прыгал, когда мы видео снимали, – поддел он его. – Или ты такие трюки делаешь, только когда Лара рядом?

Мирек вдруг покраснел, тут же перешел на чешский и выдал своему старшему другу что-то длинное и, очевидно, матерное. Тот заржал и больше к этой теме не возвращался.

Неожиданно они вышли к набережной, и Лара в который раз поразились тому, какая Влтава величественная. В реке, спокойно и властно несущей свои воды, чувствовалась такая мощь, что внутри все обмирало от восторга.

– Смотри, танцующий дом, – показал ей куда-то в сторону Мирек. Лара сначала не поняла, потом присмотрелась к странно изогнутому зданию и удивленно рассмеялась: цилиндрический, немного расширяющийся кверху дом напоминал мужскую фигуру, которая прижала к себе вторую часть здания, похожую на женщину с тонкой талией и развевающейся в танце юбкой. Такой деконструктивизм был абсолютно не в духе старинной средневековой Праги, но при этом неожиданно шёл ей. «А Прага-то, оказывается, хулиганка», – с улыбкой подумала Лара.

– Пойдемте на Наплавку, – предложил Макс.

– А что там сегодня? – недоуменно дернул плечом Мирек.

– Сегодня суббота, там точно что-то будет!

И он был прав. В этот раз на Наплавке – так называлось живописное местечко на набережной – был фестиваль уличной еды. Они побродили между лотками и в итоге взяли такос – мексиканские лепешки с мясной начинкой, причем ребята попытались заплатить за Лару, но она категорически отказалась. Они и так ей помогли, не хватало еще чувствовать себя долж-

ной. Такос оказались очень вкусными, но такими острыми, что у Лары перехватывало дыхание и каждый кусочек приходилось запивать.

– Да разве это остро? – поддразнивал Макс, который с удовольствием ел свой такос, даже не морщась.

– Ужасно остро! – Лара чувствовала себя огнедышащим драконом.

– Нееет, – ухмыльнулся тот, – это ерунда. Вот я в Мексике в прошлом году соус один попробовал, так это был чистый ад! Я чуть не умер, причем два раза. Знаешь же главный секрет всех острых блюд? Они жгутся не только на входе, но и на выходе.

– В смысле? – не сообразила Лара.

– В смысле, что потом задницу хочется в ведро со льдом засунуть, – расхохотался Макс, и она, не удержавшись, тоже рассмеялась. И тут внезапно поймала взгляд Мирека.

Острый, ревнивый, злой.

От которого перехватило дыхание еще похлеще, чем от мексиканской еды.

– Ты когда домой? – хмуро спросил он у Макса.

– Да уже скоро ехать надо, могу вас подбросить. Лара, ты же тоже в общежитии живешь?

– Да, – кивнула она. Забавно, но за весь вечер они так ни разу и не упомянули, что Лара вообще-то преподаватель Мирека. Его друг наверняка подумал, что она тоже студентка.

Глава 8. Закон подлости

Еще минут сорок они возвращались пешком обратно в центр, где Макс припарковал машину. А когда Лара увидела то, на чем он ездит, у нее сразу же возникло много вопросов. В марках она не разбиралась, но этот автомобиль буквально кричал всем своим видом о дорогих понтах. Кто такой этот Макс? Откуда у него столько денег? Он бизнесмен? Бандит? Мажор?

– Приятно было познакомиться, Лара! – улыбнулся Макс, когда довез их до общежития.

– И мне! – искренне ответила она и помахала рукой вслед уносящейся шикарной тачке.

– Он занят, – зло буркнул Мирек.

– Что, прости? – не поняла Лара.

– Говорю, Макс занят, у него девушка есть, они давно вместе живут, – с напором повторил Мирек, сверля её напряженным взглядом.

Лара пожала плечами. Информация её не удивила. Макс был обаятелен, приятен в общении и даже слегка флиртовал с ней, но взгляд у него был такой... Не ищущий. Сытый взгляд мужчины, который хоть и не прочь глянуть на предложенный ассортимент, брать ничего не будет, потому что уже давно нашел всё, что ему надо.

– Ну и хорошо, а мне ты зачем это говоришь?

– Потому что ты с ним заигрывала целый вечер, – сорвался Мирек и раздраженно пнул стоявшую рядом мусорку.

– Ну и что? – вспыхнула Лара. Черт, да что ж такое. Никак не получается держать с ним дистанцию. Да и как это сделать, если он-то трусы ей приносит, то за грудь трогает, то из безвыходной ситуации спасает?

– Ты вообще-то говорила, что с тем преподам встречаешься, – глухо проговорил Мирек. – А сама на Макса все время смотрела. Он тебе понравился, да?

Лара хотела сказать, что это вообще не его дело и еще что-то резкое и грубое, но глянула ему в лицо, и слова застряли в горле. Мирек выглядел ужасно расстроенным. Плечи сгорбились, взгляд в пол, губы нервно закушены.

Ох мальчик...

Да я на Макса смотрела, чтобы на тебя, идиота, не пялиться все время. И флиртовала с ним, чтобы хоть как-то отвлечься от своих мыслей о тебе.

Вот что с тобой делать?

По-хорошему, надо подойти и обнять тебя. Потому что помог, хотя не должен был. Потому что благодаря тебе получился такой прекрасный вечер, какого никогда не было. И просто потому что хочется. Ужасно хочется провести рукой по этим татуировкам, прижаться губами к пульсирующей жилке на шее и забыть обо всём на свете. Но ведь нельзя. А жаль...

– Мирек, – тихо позвала его Лара, и в её голосе неожиданно зазвенела нежность. Мирек вздрогнул, его взгляд тут же налился темнотой и голодом.

– Лара, – он шагнул к ней, и теперь они стояли так близко, что достаточно было чуть качнуться вперед, и губы коснулись бы губ. Мирек не двигался. Ждал её хода. И Лара обязательно бы его поцеловала, если бы она была студенткой. Или если бы он студентом не был.

Но в реально существующих обстоятельствах это было просто невозможно. Уже то, что они стояли так близко друг к другу на территории университета, было опасно. Кто-то мог их заметить, несмотря на темноту.

И тут ладони Мирка – крепкие, горячие – скользнули по талии Лары. Она вздрогнула, как от удара током. Это касание обожгло, опалило, а внутри тут же пронзительно завопила пожарная сирена. Опасно! Нельзя! Нельзя!

Лара дернулась, сбрасывая с себя его руки.

– Большое спасибо за сегодняшний вечер, – скороговоркой проговорила она, воровато пряча взгляд. – Ты большой молодец, что помог своему преподавателю. Я решила, что тоже пойду тебе навстречу: ты можешь не делать дополнительные задания, которые я тебе дала.

Мирек несколько секунд ошарашенно молчал, потом тихо выругался на чешском – и ушел.

А Лара осталась стоять, гадая, относились ли эти непонятные злые слова конкретно к ней или ко всей ситуации в целом. И если все же второе, то в принципе она была склонна с Миреком согласиться.

А на следующем занятии Мирослава не было. В ответ на вопросительный взгляд Лары, Тонда коротко пояснил:

– Уехал.

Ларе очень хотелось спросить, куда, но она сдержалась. Ей-то какая разница?

Но когда прошло уже две недели, Лара забеспокоилась.

– Антон, а когда Мирослав вернется? – как бы невзначай спросила она Тонду после урока и тут же поспешно пояснила. – У нас просто через три занятия большой зачет по первой теме, я поэтому и спрашиваю.

– Не знаю, – пожал плечами тот. – Вроде скоро, я не помню точно, когда у него самолет.

Самолет! Ничего себе. Значит, где-то не в Чехии. Но где? А главное, зачем?

Дикое любопытство не давало покоя, однако дальше расспрашивать Тонду она побоялась. Мало ли что он подумает.

Но уже после обеда мысли о Миреке вылетели из головы, а все потому, что жизнь в очередной раз преподнесла сюрприз, и не то чтобы приятный.

Был долгожданный день зарплаты, Лара вся в радостном предвкушении пошла к банкомату проверять карточку, а там... только 14900. Вместо ожидаемых 17 тысяч.

Сначала она решила, что это какая-то ошибка, и пошла искать отдел бухгалтерии. В итоге не нашла и решила зайти в ректорат, где ей на смеси чешского и английского объяснили, что все верно.

В договорах обычно указывают зарплату до налогов – так называемую «грубую мзду», а на руки работники получают «чистую мзду» – за вычетом налогов, в том числе социального и медицинского страхования. 17 тысяч – грубая зарплата, 14900 – чистая.

Потрясенная до глубины души, Лара выползла из кабинета и испытала огромное, вот просто гигантское желание материться. На родном великом и могучем. Что за идиотизм – писать зарплату вместе с налогами? В России тебе сразу говорят, сколько денег ты получишь, а тут, значит, еще сиди считай. А самое главное, денег-то теперь получалось еще меньше!

Лара уселась на скамейке, достала блокнот и стала считать: 14900 минус арендная плата за комнату, минус сотовая связь – от зарплаты остается 7375. Примерно 245 крон в день. Это и еда, и всякие бытовые покупки, и стирка, которая тоже не бесплатная. А еще надо что-то отложить на обратный билет.

Она грустно усмехнулась. Вот тебе, Ларочка, и новая куртка, и подарки родителям, и пражские рестораны, и поездки по стране... Держи свои 245 крон в день и ни в чем себе не отказывай! Это, кстати, значит, что даже в столовой теперь придется есть только раз в день, потому что и обед, и ужин там она не потянет. Надо будет самой что-то готовить, так выйдет дешевле.

Единственной хорошей новостью было то, что, оказывается, университет ей должен оплатить проездной на год. Хотя бы так. Можно будет кататься по Праге, не боясь истратить на билетик весь свой дневной лимит.

Странное дело, но кроме злости на несправедливость мира Лара почему-то ощущала азарт. Как будто жизнь впервые бросила ей вызов: сможешь? справишься? Она ведь никогда

не жила только на свою зарплату. Те смешные деньги, что платили в университете, она делила пополам: одну половину отдавала маме, а вторую тратила по своему усмотрению, в основном на одежду. Жила с родителями, они же её и кормили, крупные покупки – обувь, телефон – тоже были за их счет. Это было удобно, это было легко, но при этом Лара всегда ощущала себя так, как будто у неё нет права голоса. Как будто она еще не совсем выросла. А вот сейчас, когда впереди отчетливо маячила перспектива жить год на хлебе и пиве (которое в Чехии было чуть ли не дешевле воды), у нее внезапно расправились крылья и захотелось доказать себе, что она большая. Что она сможет и что все трудности будут только закалять её характер.

С этим боевым настроением Лара и отправилась к себе в общежитие. А, открыв дверь комнаты, увидела, что её постель залита водой и сверху, с потолка, еще продолжает что-то капать.

Твою же мать! Почему всё это происходит с ней? За что? И почему именно сегодня – в этот и без того мерзкий дурацкий день?!

И под мерный стук капель по спинке кровати Лара, которая обещала себе справиться со всеми испытаниями, горько и беспомощно разрыдалась.

Оставшиеся полдня ушли на то, чтобы объяснить ситуацию вахтерше, потом найти ответственного за техническое состояние здания, и дожидаться, пока он еще с одним рабочим проверит крышу, которая после затяжных дождей стала протекать. Потом выяснилось, что чинить крышу будут только летом, а пока ничего нельзя сделать, так что давайте пани просто переставит кровать в другое место. Нет? А почему? Ну ладно, пусть тогда переедет в другой номер.

В восемь вечера вконец вымотавшейся Ларе вручили ключи от другой комнаты. В этом же корпусе, как она и просила.

– Там буду только я? – подозрительно уточнила она у вахтерши на своем корявом чешском. – Без соседей?

За сегодняшний день на неё обрушилось столько чешского, что ей пришлось как-то на нем изъясняться (храни господь гугл-переводчик и изобретателей его!). И к вечеру это уже не казалось чем-то ужасным и невозможным.

– Budete tam sama, – уверила её вахтерша.

– Декуйю, – поблагодарила её Лара и пошла осматривать новую жилплощадь. Планировка была точно такая же, как и до этого: две комнаты и между ними общие кухня с ванной. Но в соседней комнате было тихо, и никто знакомиться к Ларе не вышел, хоть она и постучалась. При этом в ванной висело полотенце, да и кухня была вполне обжитой: на плите стояла сковородка, а рядом маленький электрогриль. Холодильник был забит пивом, а в морозилке валялся пакет с замороженными овощами.

Что ж, видимо, соседи куда-то ушли. Ну и ладно, познакомимся с ними позже.

Лара попрощалась с теперь уже бывшей соседкой-индианкой и перетащила свои вещи в новую комнату. Потом вернулась за продуктами и тоже их унесла. Крупы для утренней каши отлично разместились в полупустом шкафу, а вот чтобы влезли её йогурты, пришлось выложить из холодильника половину пивного запаса. Лара мысленно сделала себе пометку, что надо не забыть обсудить с новыми соседями условия пользования кухней. Будем надеяться, они нормально идут на компромиссы.

Разложив вещи и наскоро поужинав йогуртом и печеньем (а хотелось бы, конечно, жареной картошкой и мясом), Лара легла на свою новую кровать и уснула сразу, как только голова коснулась подушки.

Утром она едва не проспала. Подскочила от третьего звонка будильника и метнулась в душ, с досадой понимая, что позавтракать уже не успевает. Быстро ополоснулась, почистила зубы, чертыхнулась, сообразив, что халат так и остался в неразобранном чемодане, и выскочила из ванной, просто обмотавшись полотенцем.

И тут кто-то восхищенно присвистнул.

– Ты vole, kdybych ted' umřel, umřel bych šťastný (*Блин, если бы я сейчас умер, умер бы счастливым*), – услышала она знакомый голос, и взгляд зеленых глаз одобрительно пробежался по её телу, едва прикрытому полотенцем.

Глава 9. Замечательный сосед

Лара вбежала к себе в комнату и быстро повернула ключ в замке. А потом прислонилась к стене, тяжело и загнанно дыша. Какого хрена? Какого спрашивается хрена?!

– Что ты делаешь на моей кухне? – заорала она через дверь, уверенная, что он ее слышит.

– Это моя кухня, – возразил ей Мирек с акцентом, и только тут она поняла, что они говорят на русском. – Я здесь живу.

– И давно?

– Два года.

Лара застонала, уже понимая, что никакая это не ошибка и что он не зашёл сюда просто за солью. К сожалению.

– И с кем ты тут живёшь?

– Раньше сам, – хмыкнул мужской голос. – Теперь, видимо, с тобой.

– Ну уж нет! – Лара натянула джинсы и свитер, впервые в жизни наплевав на дресс-код. Остальные же преподаватели ходят так, почему ей нельзя?

Злобной фурией она вылетела из комнаты и уперла свой палец в грудь Миреку:

– Так, мальчик, я пошла на работу, а когда вернусь, будем решать этот вопрос. Вдвоем мы тут с тобой жить не будем.

– Почему? – вопросительно выгнул бровь Мирек.

– Потому что ты студент, а я твой преподаватель, – отрезала Лара. – Все, я пошла!

– Стой, – Мирек шагнул к ней и внезапно провел рукой по её еще влажным после душа волосам. Лара дернулась, от мимолетного касания его твердых пальцев по коже будто пробежал электрический ток.

– Что ты...

– Nitečka, – спокойно объяснил он, демонстрируя снятую с Лариной головы ярко-зеленую нитку.

– Спасибо, – буркнула она. Дурацкое полотенце, вечно из него все лезет! – Но трогать меня было не обязательно.

И тут Лара глянула на часы, совсем по-детски ойкнула, сунула ноги в туфли и побежала в университет.

– Вечером разберемся! – крикнула она, и по коридору пронесся торопливый цокот каблучков.

Мирек стоял, прислушиваясь, пока этот звук не затих, а потом почесал затылок и блаженно улыбнулся. Чееерт, да это просто второе Рождество какое-то!

До этого момента все шло через жопу: он отвратительно откатал соревнования – даже не прошёл квалификацию, а потом вдобавок потянул голеностоп, когда они с другими райдерами снимали видео для ютуб-канала Макса. Просто комбо! В итоге в самолет он сел в премерзком настроении, а тут еще и дети сзади оказались. Маленькие поганцы всю дорогу то рыдали, то орали, то пинали ногами спинку его сиденья, а в какой-то момент умудрились сделать это все одновременно. Такси Мирек, хоть и вымотался, решил из аэропорта не брать, но пока дотащился до общаги, уже сто раз пожалел о своей попытке сэкономить. Так хотелось поскорее раздеться, принять душ и рухнуть голышом на свою кровать, но не тут-то было! Кого-то подселили в соседнюю комнату. Нет, понятно было, что долго она пустовать не будет, но так хорошо было одному! Месяц назад выперли из универа его шумных соседей (что-то у них там с наркотой было, он не уточнял), и с тех пор Мирек наслаждался тишиной и одиночеством. И вот

кончилась его счастливая жизнь! Пиво его любимое из холодильника выкинули, все на кухне передвинуто, и в ванной вода шумит. Ну бля! Что ж, дождёмся, когда сосед или соседка выйдет, и будем знакомиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.